

«Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке»

Протоиерей Митрофан Сребрянский, священник 51-го Драгунского Черниговского Ее Императорского высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны полка, служил на Дальнем Востоке в годы Русско-японской войны.

В книге он описывает свои впечатления от увиденного и пережитого на войне с момента отправления его в Маньчжурию 11 июня 1904 года по день возвращения в г. Орел 2 июня 1906 года. При создании Марфо-Мариинской обители отец Митрофан (в постриге Сергей (Сребрянский) стал автором Устава Обители и ее первым духовником.

Сейчас, в сложный для нашей страны и нас всех период, очень нужны и важны его слова, наблюдения как для участников боевых действий, так и для всех нас. В формате коротких заметок он рассказывает о том, как упование на Бога помогает с достоинством преодолеть тяготы и лишения войны, и как важно в любых ситуациях честно делать свое дело и полагаться на Господа. Предлагаем к прочтению фрагменты из «Дневника». Надеемся, что они смогут поддержать и укрепить.

11 июня 1904 года

5.30 утра, пора на вокзал; играет полковая музыка: «Всадники, други, в поход собирайтесь...» Итак, наступила минута бросить все родное, что так любил, для чего тратил силы: семью, жену, родителей, родных, духовных детей, церковь, школу, дом, библиотеку... Ох, Боже мой, как тяжело!.. Больно в сердце отозвался призыв бросить все и всех и идти в путь далекий на войну!.. *Да, если бы не крепкая вера в святые принципы: «Вера, царь и дорогая Родина», то трудно было бы справиться с собою. Но сознание, что мы идем защищать эту «душу» русской жизни и ради этого жертвуем всем, одушевляет, и мы справляемся с собою, бодримся...* Приехали на вокзал... масса народу всех званий и состояний... Господи, сколько любви, сколько искреннего сочувствия!.. У всех на глазах слезы, на устах молитвы и добрые пожелания!.. Все кругом плачут, слезы душат и меня. О, незабвенные минуты этой прощальной молитвы! **Вот где познается, как глубоко западает утешение религии; молились все действительно от души!**

Отец Григорий говорил прочувствованное слово *о святости предпринимаемого нами подвига, о необходимости бодриться, даже радоваться, что удостоились такого жребия.* Кончилась молитва. Я с родными в вагоне; жена держит мою руку и смотрит в глаза мои с такой скорбью, что становятся вполне понятны слова святого Симеона Богоматери: *«Тебе же Самой душу пройдет оружие!»* Да, еще не сразила никого из нас японская пуля, а оружие уже прошло души наши. Ох, тяжело, креплюсь, но чувствую: еще момент — и стон вырвется из груди моей и я дико, неистово разрыдаюсь... Милая Оля, ей самой тяжело, а она меня утешает: как хорошо, что мы христиане. А в окно вагона смотрят не менее скорбные лица духовных детей — орловцев, беспрестанно входят в купе получить прощальное благословение, подают просфоры, подарки...

И сколько любви и внимания в этих дарах: вот разворачиваю коробку — очищенные уже орехи сами как бы говорят: «Не портите зубы, мы уже покололи»; вот яблоки, апельсины, вино, консервы, нитки, иголки, книги; благослови, Господи, эту любовь Своею любовью!.. Под окном беспрерывно поют певчие: *«Тебе Бога хвалим», «Под Твою милость прибегаем, Богородице», величание святому Митрофану, «Аллилуия»* и др.

Еще раз прижал к груди своей жену и родных, но... сердце не камень, сколько ни крепись: все рыдают. Можно ли найти человека, который бы в эту минуту сдержал себя? Мне кажется, нет; по крайней мере, чего боялся я, то и случилось — разрыдался дико, страшно, казалось, вся душа выйти хочет куда-то, а пред глазами жена, почти упавшая на руки близких, родители, родные, народ... все рыдает. Господи, не дай переживать еще такие страшные моменты: кажется, не перенести. Поезд пошел, я уже без удержу плачу на груди моего дорогого доктора Ник. Як. Пясковского, который провожает меня до Тулы. Вдруг взор мой упал на ясно видимую из вагона полковую церковь, и снова слезы и рыдания вырвались из груди моей... моя родная церковь, школа, дом... ведь каждый камень я знаю в них, а сколько пережито там сладких моментов религиозного восторга, общения молитвенного!.. Трудно не рыдать; все пережитое на том святом участке земли за семь лет при этом последнем взгляде пронеслось и вспомнилось в мгновение, и... естественно, я рыдал. Много значит участие в горе человека, особенно родного, друга; это испытал я на себе.

Благословил я из окна вагона столь памятную и любезную мне рощу, Малыгину аллею, мой садик. Как я любил там гулять, размышлять, копаться, читать... прощайте, милые места, когда-то увижусь с вами? Мценск, и снова незабвенные лица духовных детей — Бойкины, Александрова и другие встречают меня; идем в вокзал; буфетчик, приняв благословение, подарил мне к чаю банку чудного меда... Слезы, благословение, молитвы, пожелания и здесь; Орел как будто еще не кончился, дорогой Орел.

Все родное проехали, на станциях никто уже не встречает; сидим в вагоне и беседуем о жгучем для нас недавнем прошлом и будущих трудах. Что-то будет? Что? Воля Божия, без которой и волос не падает с головы человека. Дай же, Господи, смириться под Твою крепкую, мудрую и любящую руку! Подъезжаем к Туле, встречает комендант г-н Пороховников — чудный человек, ведет нас осматривать привокзальную новую церковь-школу... Я просто поражен: масса света, прекрасный иконостас из серого мрамора, а живопись монахинь-сестер Дивеевского монастыря выше всех похвал... Окончился навеки памятный день 11 июня; *слава Господу, помогшему перенести его; дай, Боже, силы дождаться счастливого дня возвращения!*

13 июня

Вот уж благодарили мы тогда святой обычай ставить на станциях иконы; надо было видеть радость всех — от высших и до низших, все говорили одно: *«Слава Богу, теперь и для нас настоящий праздник!»*

24 июня

Глядя на пливших, живо вспомнились храбрые казаки Ермака Тимофеевича, также плившие добывать славу царю своему и родине по сибирским рекам и оглашавшие их, наверное, такими же удалыми песнями!.. Песня истинно русская, как и музыка, выражает душу народа... *Какою широкою волною разливается песнь наших воинов! Какая ширь, мощь, энергия в песнях этих!* Именно только русские воины так поют,

в их песне ясно чувствуется бесхитрость, простодушие, вера и сила, сила могучая, не падающая, не теряющаяся при напастях, а идущая все вперед и вперед, пока не достигнет цели своей... Да, особенно поет войско русское: грянет ли хором с бубнами песнь военную — заликует друг, затрепещет враг; запоют ли хором «Отче наш» — слышит Бог его веру и молитву сердечную! Люблю я своих воинов, с малолетства стал любить их, а теперь в восхищении от их терпения, безропотности, даже радости, что вот-де и они «сподобились» постоять за Русь-матушку, за царя-батюшку, за веру православную — это их слава!

27 июня, воскресенье

<...> я говорил поучение о необходимости честно и верно исполнять возложенный на нас Богом и царем долг, помнить присягу и *не только исполнять, как приказание, но и любить свое дело, чтобы совершать его с сердечностью, без зависти и помогая друг другу!*

При таком исполнении долга, да к тому же если будем держать себя честно, Господь, Который укрепил немощи расслабленного, укрепит и наши слабые силы и благословит успехом наши дела!

Июль 1904 года

17 июля

В 11 часов ночи приехали в Мукден; простояли до 12.30 ночи. Здесь нас известили, что 17-й корпус расположен у Ляояна и нас высадят на станции Янтай, откуда походом вся бригада пройдет пятнадцать верст и остановится в семи верстах от Ляояна, в китайских деревнях. Собралась бригада, кроме шести эскадронов, разбили бивак... Пока принесли палатки, я постлал сена на землю и возлег, ожидая, когда соберется весь обоз.

До того мы раскисли и устали, что хотя опасность близка, но мы лежим. Говорят, втянемся, дай Бог. В 7 часов вечера я предложил отслужить для полка обедницу, так как завтра в 4 часа утра выступление. Предложение всеми принято с большою радостью. Поставили на поле стол, икону, Евангелие и крест, зажгли свечу... Собрались эскадроны, генерал и все офицеры, и при мерцании звезд мы начали богослужение. Прежде всего я сказал небольшое поучение на Евангелие об укрощении Господом бури на море, увещевая солдат веровать, что *Господь и среди военных бурь и сражений и походных трудов с нами; только надо крепко верить и усердно молиться Ему...*

Пели все солдаты... так было умирительно и внушительно это ночное служение, что слезы сами просились на глаза... Пропели царское многолетие, шефу, 51-му полку и всей 2-й бригаде; я обошел ряды воинов, благословляя их крестом и на ходу ободряя словами... а налево от нас ясно слышна канонада. Очевидно, в горах идет сражение; ночью из Янтай туда ушло три тысячи человек пехоты! Кончилась служба, все были довольны.

Август 1904 года

31 июля — 5 августа

Разбили палатки в тени деревьев; почти рядом линия железной дороги; бегут поезда в... Россию, и мы, грешные, как дети, мечтаем, что вот-де сидим в вагоне у окошечка и катим на милую родину; с каждым поворотом колеса мы ближе к вам; но... прошел поезд, оглянулись... палатки, кони, фуры, китайцы, грязь... вздох и шепотом молитва: *«Пусть будет воля Божия над нами: Господь все устроит!»*

<...>

Это было прохождение шести тысяч мучеников; они уже больше года здесь: обносились, оборвались, погоню нет ни у кого, ни шинелей, ни сумок, ни белья: что на себе только, остальное бросили на позиции при отступлении; многие в старых шляпах вместо фуражек, в шапках, поддевах драных; у некоторых головы обвязаны тряпками; много босых, в опорках; лица бледны; в одной руке ружье, в другой палка... Они уже не раз сражались. *Уныния не заметно: идут, шутят, шагают под проливным дождем, переходят по пояс в воде... Истинные герои!* Часа три продолжалось это прохождение; офицеры идут тут же, наравне с солдатами... Тяжело! Первый раз в жизни видел я подобное зрелище.

13 августа

Проснулся в 6 часов. Канонада продолжается, на улице беготня — эскадроны уходят, с ними корпусной командир. Идет артиллерия, пехота — в подкрепление на позиции, едут линейки Красного Креста за ранеными. Наши войска уже третий день сражаются. При виде этой картины как-то дрогнуло сердце. Боже, помоги нам! Весь день мы просидели в томительном состоянии духа, так как за малыми перерывами пушечные залпы продолжались постоянно; как гром гремит раскатами, так и пальба. Если бы знали вы, какое гнетущее впечатление производит непрерывная канонада! Сегодня получили телеграмму от государя, в ней он всю маньчжурскую армию назначает восприимчивыми наследника-цесаревича. Это всех ободрило и обрадовало.

Пришло известие о **геройском подвиге корнета нашего полка Крупского**. От дождей реки и речки так переполнились, что течение воды сделалось необычайно быстрым, броды стали опасны для переправы, но *война не признает опасностей*: переправляться нужно. Идет пехота, и один солдат на броне был перевернут водою, вынесен на глубину и стал тонуть. На берегу стоял пехотный полк, но спасать никто не решился: это значило идти на верную смерть — волны кипели... В это время подъехал к реке Крупский и, видя, что его собрат во Христе и боевой товарищ погибает, помня завет святого Евангелия *«Больше сея любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя»* и завет воинский *«Сам погибай, а товарища выручай»*,

не рассуждая, бросился с конем в бушующие волны. Вода сбила коня и перевернула. Корнет успел соскочить с него, схватился за стремя, подхватил утопавшего под локоть и со страшной опасностью для жизни выплыл на берег. Радости спасенного не было конца. Да, жив еще дух Христов и дух истинного товарищества между нашими воинами! Да благословит их Бог!

17 августа

Посмотришь на этот ад — все сожмется в груди. О своей участи не думаешь, а только сердечно жаль людей и животных! Идут навстречу два раненых — один в плечо, сам несет винтовку, а другой держит платок у рта. Спрашиваю: «Что с тобой?» Он открыл рот; я ужаснулся: пуля попала ему в рот, выбила зубы, вместо языка — кровавая масса, а он кое-как мычит: «Ничего, малость тронута!»

7 сентября

Интересно обойти посмотреть, послушать солдатские беседы; в общем, солдаты безропотны и веселы, несмотря на невзгоды и наступивший холод. Возвращаюсь в палатку. За обедом оживленные разговоры: родина, родные, политика, война — все перетолкуется основательно. После обеда с великим трепетным нетерпением ожидаю почту, за которой пошел уже писарь и придет в 4 часа. Несут... Бегу, сам разбираю, кладу в карман и ухожу куда-либо под дерево, читаю... Какое наслаждение! Как будто повидеаешься, поговоришь с родными писавшими!..

8 сентября

Утром дождь мелкий осенний. Не видно солнышка, а настал праздник великий, Рождество Пресвятой Богородицы... У нас праздник начался невесело — дождь... Собрались на молитву, устроились на нашем биваке; дождь совсем перестал; но только я возгласил: «Благословенно царство», как опять заморосил и шел всю обедницу. После «Отче наш» сказал поучение. В 10.30 погода разгулялась: подул ветер, разогнал тучи, показалось солнышко и своим светом и теплом как бы приветствовало нас: «С праздником! Я вас не забыло!»

После обедницы пошел я тихонько в 1-й эскадрон служить молебен; там эскадронный праздник. Пришел и диву дался: артисты же наши солдаты. Из простого огорода с китайскою редькою устроили цветущий сад. Стол для иконы весь в цветах. Нужно было видеть восторг солдат-строителей: как дети утешались они, глядя на свой «сад», на барана, на изумление гостей при виде их «художества». Собрались два генерала, весь почти штаб 17-го корпуса, офицеры нашего полка, и торжество открылось. Я отслужил молебен, сказал многолетие и окропил святой водою столы. Одним словом, будто в Орле. Потом здравицы, «ура» и обильная трапеза.

13 сентября

К вечеру начали мы придумывать, как бы поторжественнее устроить богослужение и вынос Честного Креста Господня. Вахмистр принес много цветов, из которых Ксенофонт сплел очень хороший венок. В 4.30 начали мы готовиться к богослужению; решили служить у нас на биваке. Принесли два столика походных, покрыли скатертью из собрания: на одном поставили иконы и положили в цветах большой серебряный крест, две свечи, а другой стол пустой — «на него вынесем крест». Погода прекрасная. Началось богослужение, и с фимиамом кадильным понесли наши мольбы и славословия туда, в синеву небес: «Сотворившему вся!»

Я сам читал стихиры и канон. Невыразимо хорошо, покойно было на душе. Особенно умирительно было, когда под открытым небом, уже при мерцании звезд *опустились все на колени и запели: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко»*. Все прикладывались ко кресту.

Завтра здесь же обедница. Слава Господу, что погода была хорошая, и мы беспрепятственно совершили богослужение и поклонились святому Кресту. По окончании всенощной подходит под благословение с соседнего бивака инженерный солдат, уже пожилой, из запаса, и со слезами говорит: *«Уж как я рад, что был на службе-то! Ведь это первый раз после ухода из России. Да уж как торжественно было! Ведь и мы христиане: помолиться-то вот как хочется!»*

17 сентября

Всю ночь была буря с дождем. Утром стихло, но дождь еще немного идет; решаемся все-таки поставить церковь и служить. В 9.30 утра церковь поставили, очень красивая вышла: не могу насмотреться. В углу вбили кол и к нему доску — это жертвенник, покрыл его красною скатертью и салфеточкой, поставил на него иконочку-складень, подношение 36-й дивизии, и свечу. На престол поставил полковую икону, перед нею две свечи в высоких подсвечниках, по сторонам святого антимиаса кресты: великой княгини и поднесенный мне духовными детьми города Орла. *Вышло так уютно, что не только я, но и решительно все, кто приходил к нам молиться, в восторге. Войдешь в церковку эту и забудешь, что это Китай, Мукден, война... Как будто на мгновение перенесся в родную Россию!*

Совершил проскомидию; наконец-то помянул всех живых и усопших, за которых привык молиться в своем родном храме, особенно именинниц! Как отрадно было служить! И как милосерд Господь: только началась литургия, дождь прекратился и засияло солнышко! *У всех заметно приподнято было настроение духа; воодушевленно пели солдатики!*

После литургии отслужил краткий молебен святым мученицам; ведь у нас и в полку, и родных, и знакомых много именинниц, дай Бог им здоровья!

18 сентября

Вчера вечером и сегодня утром отправился в церковь читать правило. Как тихо и мирно в ней! Полный отдых душевный. Вдруг где-то недалеко раздался ружейный выстрел, и пуля просвистела через бивак между нашей и командирской палаткой. Теряемся, кто мог выстрелить. Хунхузы? Едва ли: днем и притом очень близко от бивака не посмели бы. Вернее всего, какой-либо солдат на соседнем биваке чистил ружье, а патрон вынуть забыл. Вот и спас Господь нас. Мы положительно удивляемся, как пуля пролетела весь бивак и никого не задела, а многие солдаты слышали ее свист. Чудо! *Вот, подумаешь, сколько раз Господь спасает людей от разных бед, а они и не замечают! Как же справедливы святые отцы, настойчиво требуя от людей «трезвения», внимания ко всему, что творится внутри и вне их существа! Тогда наполовину меньше было бы неверующих!*

<...>

В 5 часов все приготовил для служения; собрались все наши прежние посетители и соседи; служба началась... Почему-то мне казалось, что так торжественно мы ни разу не служили: все выходило как-то ладно, даже пение! Каждение совершал я вокруг всей церкви; и как сильно действовало тогда на душу пение: *«Вся премудростию сотворил еси», «Слава Ти, Господи, сотворившему вся», когда все сотворенное: небо и земля, люди, животные, злаки, трава, деревья — все здесь же перед глазами!* Дым кадильный неся прямо на небо, и с ним наше общее от души «аллилуйя» (слава Тебе) Господу

за все. Я сам читал стихиры, канон — Михайло, я же держал Евангелие в руках; солдатики подходят, прикладываются, а рядом поют и поют: «*Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование... Нашу нищету посети... слава силе Твоей, Господи!..*» Ведь эти слова надо здесь выслушать, на войне, когда, быть может, сейчас ничто человеческое уже нам не поможет, а только Сила наша — Бог! А певчие уже поют: «*Очисти мя, Спасе, многа бо беззакония моя, из глубины зол возведи, молюся... направи на стезю заповедей Твоих*». Господи! Да можно ли слушать все это без умиления? Нагрели мы и крайнего отвращения Твоего достойны, Господи, но очисти, Спаситель, нашими страданиями грехи дорогого отечества: не ропщем, терпим, смиряемся, благодарим; только прости и воззови «всех и вся» из глубины падения к новой, Тебе угодной, жизни! Окончились и наши ночные славословия и мольбы! Взошла луна, осветила своим таинственным светом нашу церковку. **И стоит она как «пристань тихая» среди военного моря и зовет всех к себе для подкрепления сил душевных и телесных, для успокоения!**

19–22 сентября

Утром пришел приказ генерала Куропаткина о наступлении с приглашением отслужить во всех частях молебны. *Господи, каким оживлением повеяло в армии от этого приказа!* В 3 часа дня служил молебен о победе в саперном батальоне и инженерном парке, говорил небольшую проповедь, приглашая поусердней помолиться о благодатной небесной помощи при наступлении нашем. В 4 часа в своей церкви отслужил тоже молебен половине своего полка. **Благослови нас, Господи, победой!** 22-го с раннего утра пошла наша армия в наступление на японцев; ушли и наши эскадроны; скоро двинемся и мы.

23 и 24 сентября

Ночью по-прежнему мороз; но как свыклись с жарою и дождями, так и теперь начинаем свыкаться с морозами: привык уже и спать одевшись. Сегодня утром прочитал канон святого [Андрея Критского](#) в русском переводе, не утерпел и предложил одному очень образованному господину, с которым я познакомился в Мукдене в штабе, дабы он понял, как чудно содержание наших книг богослужебных. И что же? Проходит час-другой времени, приносит этот господин мне книжечку и отдает со словами: «Нет, батюшка, что-то не понял я этого канона!» С грустью до боли положил я на походный столик заветную книжечку и вышел прогуляться. Прихожу в палатку.

Книжки на столе нет. Ищу. Нет ее, неужели пропала? Иду в обоз, смотрю: под двуколкой, на чумизе лежит Ксенофонт и читает... канон покаянный. Это он убирал палатку и, заинтересовавшись книгой, взял. «Что же, нравится?» — спрашиваю. «*Ох, батюшка, и в жизни-то лучше не читал; больно хороша: вся душа растаяла читавши. Какие мы грешники! Слава Богу, что теперь хоть немного страдаем!*» — отвечает. Это факт. Видно, Господу угодно было, чтобы два человека совершенно разного образования и положения высказали свое мнение относительно одной и той же книги! *Вот оно, мнение простеца, своего рода «рыбара».* Он прост душой и в простоте своей при этом чтении скорей и ближе почувствовал Бога как Отца и сознал себя как грешного сына.

25 сентября

Утро самое оживленное: по всему биваку топот, солдаты с веселым смехом трепака задают, хлопают руками, колотят друг друга по бокам, им вторят прозябшие лошади, а музыкант один на всех — господин Мороз, Красный нос! Вы скажете, уныние у нас! Ни-ни: везде смех, прибаутки. *Ведь мороз русскому человеку родной брат и надежный союзник против врагов.* Целый день у нас по случаю мороза веселие велие, прямо смех пронимает наших воинов при виде проезжающих господ офицеров в папахах.

Ну и папахи же есть: прямо Эйфелевы башни! Что-то невероятное: из одной свободно можно сделать две; и ведь нарочно такие заказывают: воображают, что это красиво и воинственно.

Сегодня великий святой день — память преподобного Сергия Радонежского, и мы, несмотря на мороз, молились в своей церкви, пели молебен преподобному и величание пред иконой, написанной с внешней стороны церкви. На этой иконе святой Сергий благословляет великого князя Дмитрия Донского на битву с Мамаем.

Это благословение низвело тогда благодать Божию на русское войско! А теперь? Да, и теперь против нас поднялись родичи татар — японцы. *«О преподобный, помоги же молитвами твоими нам победить врага, дабы мир скорей нисшел на землю!»* С такими чувствами мы молились в нашей церковке.

Завтра воскресенье и память святого Иоанна Богослова; как бы хотелось отслужить литургию, но просфорный вопрос здесь первой важности. Соседи-саперы уехали, печку их китайцы развалили, и Михаил объехал весь город, вокзал и ничего не добился; так, с грустью в сердце решаю отслужить сегодня всенощную, а завтра обедницу.

Стою около церковной двуколки, делюсь печалью своею с друзьями своими Ксенофонтом и Михаилом. Вдруг солдат Нечаев говорит: «Батюшка, да вы не беспокойтесь, мы сейчас сделаем печь, и просфоры будут. Ведь Галкин печник!» Не верю, конечно, такому счастью, но благословляю. Сейчас же мои «печники» разобрали часть кладбищенской ограды и в канаве вырыли четырехугольную яму, выложили кирпичом, засыпали сверху землю, сделали трубу — все как следует — и через час затопили. Ксенофонт поставил тесто, а в 9.30 вечера принес уже в палатку горячие просфоры. Я прямо изумился: не верю глазам, а он говорит: «Да вы посмотрите, батюшка: печка такая вышла, что и пирог и хлеб можно испечь!» Да, удивительные наши солдаты! Благослови их, Боже! Радостно пошел я служить всенощную; снова понеслись от наших грешных устен мольбы и славословия Творцу всех и величание святому апостолу Христову Иоанну Богослову.

Полюбил я свою церковку. Стою в ней один после службы или вечером при свете восковой свечи, и вдруг легко станет на душе, как будто я не в Маньчжурии, а там... дома! Вот и сегодня вечером я в ней. Ветер колышет полотняные иконы: шелестят они, изображения святых движутся, будто оживают они, святые, и тихо-тихо говорят. Все кругом замерло. Господь послал с небес Свое покрывало на уставших людей — сон, только дневальные едва слышно позвякивают шпорами. Получил телеграмму от ее высочества из Сергиева Посада такую: «Молитвенно со всеми вами; только что молилась за обедней и молебном о даровании победы; храни вас Господь и святой угодник. Елисавета». Нет слов выразить, как все мы благодарны великой княгине за ее истинно материнское к нам отношение.

26 сентября

Сегодня немного теплее. Встал и побежал в церковь готовиться и готовить все для богослужения: среди холода обметаю замерших мух, пыль, расставляю на жертвеннике святые сосуды и раскладываю на скамейке из китайской фанзы священные одежды. Слава Богу, все в порядке; 8.30... читаю «входное», облачаюсь, начинаю часы и проскомидию; затем святая литургия, как говорится в уставе, «поскору», так как мои богомольцы все стриженный да бритый народ; холодный ветер по волосу все разбирает на их головах, и они заметно жмутся. Ну, Господь с вами. Он простит. В 10 часов окончили богослужение; успел даже и проповедь краткую сказать на читаемое Евангелие. Сегодня, по милости Божией, как-то отраднее всего было служить; не знаю сам почему. Ксенофонт подавал кадило, выносил свечу и даже, представьте, пел! Он всегда такой сияющий бывает, когда я благословлю ему прислуживать, и с великим благоговением относится к этому делу.

27 сентября

Утро чудное. Решаю ехать в эскадроны служить; это тридцать пять верст туда. Выехали в 10 часов утра с Михаилом верхами. Какая разница сравнительно с 15 сентября! Тогда здесь не было ни души, теперь ходят поезда, и снова толпы рабочих китайцев ровняют насыпь. Снова жизнь. Мы наступаем. *Как радостно на душе! Но как-то благословит Господь наше дело?! Может быть, нас ожидают новые испытания? Да будет воля Божия!*

<...>

Китайцы несут на плечах двух раненых японцев; за ними в двуколке еще два пленных: маленькие такие, юркие. Собрались эскадроны на дворе фанзы, поставили стол, вместо ковра постлали соломы, и обедница началась. Гром пальбы был так велик, что мы старались петь громче. Только начали служить, как пехотные и артиллерийские солдаты, заслушав наше пение, побежали к нам помолиться. Я говорил проповедь на тему, что *воинство наше должно надеяться не только на земных начальников, но и на помощь небожителей, святых Божиих людей, из которых первая Взбранная Воевода есть Владычица наша, Богородица, потому не нужно унывать нам, а мужественно и храбро трудясь на поле брани, молиться Пресвятой Деве и святым, прося их помощи и благословения.* После богослужения поздравил георгиевских кавалеров; у нас на полк дали четырнадцать Георгиевских крестов. Как же отраднее было на душе, когда я возвращался! В 5 часов вернулся в деревню Шулинцы, где тоже все было готово для молитвы, и здесь служил в присутствии корпусного командира и его штаба; проповедь говорил на ту же тему. **Господи, в каком положении пришлось быть! Среди грома пальбы проповедовать!**

Октябрь 1904 года

1 октября

Сегодня наш храмовый праздник, а на душе невыразимо грустно. Бывало, торжественно совершали мы служение в этот день в родном храме! А теперь? Встаю и не знаю, успею ли отслужить молебен или сейчас идти на битву. С 3.30 утра загремела адская канонада в трех верстах. Наскоро оделся и пошел в 1-й и 2-й эскадроны узнать, могут ли они присутствовать на молебне. Иду с маленькой надеждой, но на повороте улицы встретил эскадроны: уже на конях отправляются на позиции. Поздравил их с праздником, благословил, вернулся на свой бивак и в 7.30 утра отслужил молебен пред полковой иконой в присутствии генерала Степанова, командира полка Зенкевича и обозной команды. *Пресвятая Богородица! Помози нам победить и скорее вернуть столь желанный мир!* А канонада все сильнее разгорается; ясно слышим вой снарядов и ружейную трескотню! Приказал седлать и с церковником поехал к позициям, чтобы, если возможно, хотя издали благословить родные эскадроны, стоящие в бою в этот святой день; при этом, думал я, заверну в дивизионный лазарет. Двигаемся вперед; обозы стоят, все запряжены; вьючные лошади оседланы; спешат зарядные и патронные повозки к месту боя.

Ищу лазарет, где вчера был; что-то не видно его палатки. Подъезжаем ближе, оказывается, он перешел почти к Суютуню и сейчас только начал устраиваться.

Значит, час-полтора по крайней мере здесь делать нечего, и я решил двигаться вперед, туда, где гром, и свист, и смерть... Что-то неодолимое потянуло! Вижу носилки с тяжело раненым; благословил его; смотрю — слабой рукой манит меня к себе; сейчас же соскочил я с лошади, подбежал к нему. Едва слышно шепчет: *«Приобщиться бы!»* Достать Святые Дары, все приготовить было делом одной минуты, и здесь же на дороге я напутствовал его. Оказался фельдшер Зарайского полка. Он самоотверженно был в пылу сражения и там выносил раненых, перевязывал. Вдруг разорвалась граната, и осколок, ударивши ему в спину, засел в груди. Смерть неминуема. Он положил свою душу, спасая ближних. Угасающий взор страдальца остановился на мне; в нем светилась благодарность и духовная радость; он и стонать уже не мог. Едва успел я отвернуться от него, слезы неудержимо полились у меня. Едем дальше. Саперы спешно ровняют дороги, роют новые окопы «на случай». Носилки за носилками тянутся с ранеными, каждого благословляю, спрашиваю, куда ранен, и отпускаю; все больше в ноги и руки. Некоторые идут, обнявши одной рукой здорового товарища за шею, а другой опираясь на ружье, как на костыль; других, за неимением носилок, несут двое, скрестивши руки. Встречая раненого, благословляю его со словами: *«Вот и ты счастливый: удостоился пострадать»*. Большею частью один ответ: *«Точно так, слава Богу!»*

Завиднелся перевязочный пункт пехотных полков; это уже у самого боя; на земле лежат ряды раненых, но удивительное дело: среди них тишина, точно мертвые, ни одного стога! Сидят на холмике два полковых священника, ожидают прибытия новых своих страдальцев. Повидались, побеседовали, поздравили друг друга с праздником. Вдали стоит какая-то кавалерия. «Кто это?» — спрашиваю. «Да это ваши драгуны, 5-й и 6-й эскадроны», — говорят. Господи, какое счастье: нашел! *Вмиг исчезла всякая мысль о том, что там бой, опасность*. Оглянулся я на Михаила и говорю быстро: «Едем рысью туда, отслужим им хотя краткий молебен! Согласен?» «Согласен», — отвечает, и мы поскакали. Боже мой, какой ужас! Очень близко

стреляют наши пушки; гром, визг и вой такие, что положительно в ушах звенит и надо кричать, чтобы слышать друг друга. Эскадроны стоят, держат лошадей в поводу, ожидают приказа идти — победить или умереть. Подъехали мы. Офицеры и солдаты глазам своим не верят. «С праздником, дорогие мои, поздравляю вас!» — кричу. «Покорнейше благодарим», — слабо из-за пальбы слышу ответ. «Я приехал помолиться с вами». Скомандовали: «На молитву, шапки долой!» Повернул лошадь к востоку, и, сидя с церковником верхами, чтобы солдатам было видней и слышней, запели молебен. Дивная картина...

Живо вспомнился мне один рисунок из англо-бурской войны, воспроизводящий эпизод «Молитва буров во время сражения». Как тогда трепетала душа моя при виде этой картины, и я невольно шептал: «Счастливые, и во время боя не забыли Господа!» Думал ли я, что когда-либо не на рисунке, а в действительности придется пережить буквально то же самое? Как жаль, что я не художник: было бы очень хорошо воспроизвести этот оригинальный молебен на картине! Отслужил молебен, сказал несколько слов воинам, чтобы они надеялись на покров Божией Матери и не унывали. Офицеры приложились к кресту, что у меня на груди, сильно взволнованные; радость была общая. Сердечно простились. Как милы мне все эти люди, стоящие каждую секунду лицом к смерти! И у них на лицах ясно выражено сознание, что таинство смерти близко-близко, в глазах горит какой-то огонек... Отъехали мы и только что миновали перевязочный пункт, где сидели батюшки, как «трах, трах, трах» — полетели через эскадроны гранаты и с ужасающим блеском и треском стали разрываться на том месте, которое проехали мы.

Едем дальше, настолько привыкли к грому и визгу, что почти не обращаем никакого внимания! По дороге нагнали двух солдат: один ранен в голову — все лицо в крови, а другой, здоровый, его провожает. Сейчас же здорового я отправил обратно на позиции, а раненого посадил верхом на лошадь Михаила, который, взявши ружье раненого, пошел пешком. Так довели мы его до лазарета и сдали врачам. А там уже работа в разгаре. В несколько рядов лежат раненые; я по очереди подхожу к каждому, поговорю, напутствую утешением, подам чайку; врачи очень сочувственно относятся к деятельности священника на войне. Ах, какие есть ужасные раны! В углу палатки ползает без сознания солдат с простреленной головой — к удивлению, еще жив. Рядом с ним стоит на четвереньках пожилой солдат с простреленным животом; он лечь не может, повернул ко мне голову и слабо-слабо говорит: «Батюшка, отслужите молебен, а из кармана выньте пятнадцать копеек, поставьте после свечку: я верующий, вот приобщиться бы хотел, да рвет каждую минуту!»

Между ранеными, как ангелы, ходят сестры милосердия, отмывают кровь, перевязывают раны. Только и слышишь их голос: «Голубчик, не хочешь ли чайку? Ты не озяб ли? Что, очень болит? Ну потерпи, вот через часик все пройдет!» «Ох попить бы чего, сутки во рту воды не было», — раздается голос с только что принесенных носилок. Сестра к нему и уже поит его с ложечки. А с другого конца палатки слышится: «Сестрица, мне бы малость табачку, раз пыхнуть. Во как хочется!» И табачок несет сестра. Господи, да разве передашь и опишешь все виденное!..

Подходит ко мне сестра и говорит: «Ведь умер вчера поздно вечером тот солдатик с оторванной ногой. Мы его на том биваке похоронили без отпевания». Зову Михаила, садимся на коней и едем туда версты три. Действительно, свежая могила, на ней маленький крест. Сейчас же и отпели краткое погребение. Возвратился к лазарету, а он уже снова снимается. Пришлось ехать на бивак. Кстати, пора и закусить.

Едва добрались, как хватил дождь, град, гром, молния; вымокли преотлично...
Но как на душе отрадно, что посетил эскадроны!

Удалось найти обоз 4-го эскадрона; взяли из него унтер-офицера, и он проводил нас, только предупредил, что эти эскадроны охраняют наши батареи и потому опасно. *«Ну, Господь и Владычица помогут. Едем!»* Проехали верст шесть вперед, забирая вправо от железной дороги. Унтер-офицер показывает рукою деревню; около нее чернеют эскадроны, а рядом с ними действительно вылетают огни, стреляют орудия. На минуту остановился я — не знаю, что-то зашевелилось в душе... Ехать ли? Но быстро победил себя, *отдался в руки Господа*, и поехали туда. *Как описать радость, прямо восторг всех офицеров и солдат при виде нас, когда раздалось мое приветствие с праздником?!* Сейчас же начали служить молебен, во время которого многие плакали. Только запели мы *«Днесь благовернии людие светло празднуем»*, как рядом и налево от нас раздалась залпы орудий, засверкали огни... С плачем и воплем бегут китайцы, женщины и дети из деревень к Мукдену. Бедные! Они думали укрыться в погребках, нарочно ими для этого вырытых, но теперешние снаряды все пробивают. Попали мы, думаю я, в самую середину огня, сейчас, может быть, и над нами разразится свинцовый дождь... *Слезная молитва дошла до Заступницы Усердной, мы остались целы и невредимы, а дальше да будет воля Божия!* С нашим пением «многая лета» слился оригинальный салют: гром пальбы батарей, вой снарядов и характерный звук рвущихся гранат.

Едем обратно, надо торопиться выбраться из опасной линии до темноты: уже 6 часов вечера... Но видно, мало было еще напряжения нервов за пережитый день. Господу угодно было прибавить и еще. Оглянулись мы и ужаснулись: большая половина неба покрыта черною тучей, и к грому и огню земным прибавились страшные раскаты грома и молнии небесных, как будто духи неба приняли участие в людской борьбе! Снова ливень; в один какой-нибудь час все наполнилось водою; лазареты и палатки с людьми «поплыли». Чтобы поскорее добраться до бивака, мы поехали рысью, и лошадка моя, поскользнувшись, упала; я же снова полетел по знакомому уже мне пути: через голову лошади, в грязь; а чтобы не обидно было прежде ушибленной левой ноге, теперь пострадала правая половина тела. Ничего, других ранят, убивают, а мне ли роптать на это?! Уже темно было, когда добрались мы домой, сделавши не менее двадцати пяти верст в разные концы. Доктор осмотрел меня — все в порядке, а где больно было, намазал йодом — и я снова здоров. *Как благодарить мне Господа и Владычицу, помогших испытать это утешение-счастье, что пережил я сегодня?!*

Добрая наша печальница, великая княгиня Елисавета Феодоровна, не забыла нас в этот день и прислала следующую чудную телеграмму: «Особенно горячо помолимся сегодня за всеобщую за мой полк пред иконой, которой черниговцы меня благословили при назначении меня шефом и которую сегодня вынесут для поклонения в нашу Ильинскую церковь. Да покроет Матерь Божия дорогой мой полк честным Своим покровом, избавит его от всякого зла и сохранит невредимым, доблестным на радость всем нам. Сердечный привет чинам полка по случаю полкового праздника; счастлива слышать об успехах моих драгун! Постоянно мои все мысли с вами, Бог помощь! Елисавета». На эту телеграмму командир полка ответил: «Телеграмма Вашего императорского высочества получена во время боя. Не нахожу слов выразить восторг и благоговение, с каким черниговцы выслушали на поле брани высокомилолюбивые слова своего обожаемого шефа! Да благословит Всевышний Ваше императорское высочество за материнское о нас попечение. Это горячая молитва каждого черниговца, вознесенная Господу на молебствии, отслуженном отцом Митрофаном отдельно в трех

дивизионах и штабе полка под грохот ужасной канонады. Потерь почти нет. Полковник Зенкевич». *От великого князя Сергея Александровича получена тогда же телеграмма: «Сердечно поздравляю молодцов черниговцев с их полковым праздником! Отраднo слышать самые лестные отзывы о деятельности полка. Бог в помощь! Матерь Божия, сохрани полк под кровом Своим. Сергей».*

15 октября

*Бывают и в земной жизни моменты, когда тихая радость вдруг нисходит в душу, несмотря ни на какие положения! Иногда эти моменты бывают на мгновение, а иногда на часы и дни... Счастливые святые Божьи люди! Они подвигами своими удостаивались такой благодати небесной, что эта тихая радость теплилась в их душах даже многие годы! **Что может быть выше счастья, когда загорится в душе огонек радости небесной, когда трепещет все существо и наполняется миром, любовью к Богу, людям, всему сотворенному!** Какое из земных, мирских наслаждений может дать душе этот мир и отраду? Конечно, никакое! Вот это состояние радости небесной испытывал и я в блаженный день 15 октября, когда, стоя в стороне, наблюдал за постановкой церкви. Так и в древние времена, думалось мне, патриархи Авраам, Иаков и другие святые строили жертвенники Богу Живому для принесения благодарения за милости Его и для молитвы об очищении содеянных лютых. Теперь и мы, подобно им, в земле чуждей, пред лицом смерти, ставим жертвенник Господу, чтобы принести бескровную жертву благодарения за все и о гресех.*

Не будем унывать или роптать, смирится, покоримся мудрому промыслу нашего Отца! *Ему угодно было попустить войну, попустить народам рассудиться честным поединком. Его святая воля да будет! Лучшие устремить все силы существа нашего на мужественное исполнение нашего долга и присяги до последней капли крови.* Готова церковь; я поставил престол, облачил его, устроил жертвенник. Как благ, бесконечно благ Господь! По Его милости все способствовало нашему молитвенному торжеству: погода прямо-таки чудная. Пред началом службы раздалось близко несколько сильных залпов. Нет, оказалось, стреляли наши осадные орудия, а японские «шимозы» не долетали. Собрались эскадроны, и около 10 часов утра святая литургия началась. Служба прошла замечательно хорошо, особенно пение. В этих эскадронах самые главные певцы наши, и хотя у них теперь ни нот нет, ни спевок не бывает, однако они так складно и вдохновенно пели, что, казалось, ангелы спустились к нам и свое небесное пение соединили с нашим земным, и вышла такая гармония, что слезы невольно исторгались. Быть может, это мне только так казалось? Но нет, посмотрели бы вы, как во время «Херувимской», «Тебе поем», «Отче наш» без всякого приказанья все становились на колени прямо в пыль, как усердно клали поклоны, молились!

Нет, эту небесную радость чувствовали все! Вместо концерта пели: «Душе моя, душе моя, возстани, что спиши? Конец приближается и имаша смутится. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй!» И всегда до слез трогает эта дивная песнь, а теперь, на войне, когда для многих из нас, здесь молящихся, конец действительно, может быть, весьма близок, она особенно благовременна... В поучении, сказанном на литургии, объяснял притчу о богатом и Лазаре и преподавал из нее подобающее наставление.

Окончилось богослужение, приложились все ко кресту и разобрали церковь, сердечно благодаря Господа, что благополучно, без помехи прошло молитвенное торжество наше. Как утешает и ободряет молитва и таинство! Очень усердно просили приехать еще с церковью, что я, конечно, и сделаю, если продолжится затишье

и позволит погода. Сговариваемся и 17 октября во что бы то ни стало отслужить святую литургию для остальных эскадронов и штаба 17-го корпуса, хотя бы и холодно было. Отдохнул немного и под вечер пошел на «перспективу», под звездное небо: как-то невыразимо захотелось побыть одному, собрать мысли, воскресить в себе и духовно пережить еще раз те чувствования, которыми утром была полна душа!

17–19 октября

Так с тревогой за погоду встал я 17 октября. Ночью был ветер: скрипели утлые наши оконьшки, шумела и рвалась на них бумага, — утром то же. Ну, что будет! Готовлюсь все-таки служить святую литургию. Позвал своих солдат; пошли расставлять церковь. И что же? К 10 часам засияло солнце; куда что девалось: и тучки разбежались, и ветер утих. Совершаю проскомидию. Возглашаю: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа», и полились снова их уст наших священные песни и молитвословия божественной литургии, заструились, как струится тихо и мерно чистый ручеек среди зелени трав и злаков земных, покрытых благовонными цветами, освещаемый и согреваемый солнышком! *«О Господи, — неволью думалось, — верим, исповедуем и чувствуем, как невыразимо прекрасно, чисто, светло, божественно содержание этой дивной службы — святой литургии. Но помоги, Отец наш, чтобы души наши, освещаемые и согреваемые, как солнцем, крепкой, горячей верой в Тебя, очистились от уныния, сомнения и, как благовонными цветами, покрылись надеждою и упованием, чтобы нам неосужденно присутствовать и духовно участвовать в совершении святейшего таинства и, как говорят святые отцы, истинно насладиться божественными литургии».* Да, тогда все будет хорошо: **и тоску о разлуке с присными нашими и дорогой родиной, и ужасы сражений, и лишения походной жизни — все, все перенесем, благодаря и славословя Промыслителя, допустившего нас понести тяжелый крест войны.**

<...>

Прибрались; иду пить чай в свою «квартиру» и побеседовать через письма с дорогой женой, родными, духовными детьми... Из писем вижу, как все грустят, скучают.

Дорогие мои! А я-то? По правде сказать, часто нападают такие приливы тоски по всему родному, что приходится употреблять всю силу воли и веры, чтобы смирить мятущийся дух. Смиримся же! *Смиримся под крепкую руку Божию и пребудем в терпеливом служении долгу пред Богом, царем и родиной до той минуты, когда или скажут: «Довольно! Вернитесь к родным жертвенникам и очагам своим», или иссякнет последняя капля крови!*

20 октября

Возвращаюсь с панихиды; идет артиллерия. Смотрю, скачет артиллерист-солдат ко мне на двор, просит благословения и быстро говорит: *«Батюшка! Будьте милостивы, дайте мне крестик на шею: в прошлом бою потерял, теперь опять едем на позицию; убьют — не хочется умирать без креста».* Спасибо, у меня имеется запас маленьких образков и ладанок с 90-м псалмом; сейчас же достал и дал пять крестиков, чтобы он и товарищам дал. Как же рад был солдатик! Счастливый поскакал догонять свою часть. Подошел еще какой-то унтер-офицер с просьбой дать ему Евангелие; удовлетворил желание и этого.

21 и 22 октября

Для совершения богослужения отправился с церковью к позициям в деревню Тацзеин. На прекрасном, ровном огороде расставили церковь. Михаил в восторге. «Ни разу так хорошо не ставили», — говорит он. Ксенофонт хлопчет у костра, готовит угли для кадила и кипятит воду для теплоты. Он с особенною любовью будет прислуживать за богослужением; улыбка не сходит с его лица. Но вот моя беда с ним: все просится недели на две — на три в эскадрон «повоевать». Я убеждаю его, что и в обозе служба считается, как и в строю. Раздались обычные залпы наших осадных орудий.

Подполковник Букреев говорит шутя: «Это, батюшка, к обедне звонят; хорошие колокола!» Утром дул холодный ветер, а когда вышел я читать входные молитвы, то прямо поражен был: тишина полная! Тем более удивительно, что тишина продолжалась, только пока шло богослужение. И это замечалось несколько раз! Слава Господу Богу. На литургии и молебствии присутствовал весь полк, генералы. Служба прошла торжественно; выстрелы не беспокоили.

Поучение говорил о необходимости особенно горячо молиться за дорогого государя нашего императора: да царствует он на благо отечеству и страх врагам, а также за августейшего шефа нашего — великую княгиню Елисавету Феодоровну, которая как мать относится ко всем чинам полка, с сердечным участием, вникая во всю трудовую жизнь их. Зато и черниговцы все преисполнены горячей благодарности к своему августейшему шефу. Просил воинов усугубить ревность свою по исполнению воинского долга, чтобы доказать тем свою любовь и преданность государю и доставить радость своему шефу. После молебна и многолетия около церкви был парад, играли гимн «Боже, Царя храни», марши. Торжество вышло такое, какого мы давно не испытывали. После парада все снялись группой, а потом общая трапеза.

А тут новая скорбь: печка, в которой Ксенофонт пек просфоры, сегодня не действовала; пробовали испечь просфоры в другой, временной, — не вышли; так 22 октября и не пришлось отслужить святую литургию.

Пришлось утешиться тем, что в 11 часов утра отслужил молебен Богоматери и благодаря солнышку, пригревшему богомольцев, прочитал даже акафист, молитву и сказал поучение. Кроме иконы Божией Матери Казанской на столик поставил даже Иверскую, да офицеры принесли свои иконы Спасителя, преподобного Серафима, святых Митрофания, Феодосия и Николая — вышел целый иконостас. После молебна все прикладывались к святым иконам.

23 октября

Входит Михаил, и оба сразу с грустью говорят, что ветер и мороз такие, что завтра служить будет невозможно, значит, и просфоры печь не нужно. «День на день не приходится, — говорю я. — Господь-то по милости Своей завтра может послать и погоду; просфоры нужно испечь непременно!» Теперь мы опять обзавелись собственной печью. На всякий случай готовлюсь служить литургию. *Великая княгиня в ответ на мою поздравительную с днем рождения прислала следующую телеграмму: «Сердечно благодарю Вас за молитвы и благословение. Очень часто вспоминаю о моих дорогих черниговцах и от всей души радуюсь, что Ваше присутствие в полку в такое время и молитвы утешают и облегчают исполнение трудного и славного их долга. Елисавета».*

25 и 26 октября

С 2 часов дня у нас необычайное торжество: *пришли подарки от ее величества государыни императрицы Александры Феодоровны*. Из офицеров и чиновников каждый получил полфунта чаю, два фунта сахара, четверть фунта кофе (или табаку), фланелевые рубашку и кальсоны, две пары чулок, три носовых платка, кусок мыла, коробку печенья, конверты, бумагу, карандаш, лимонную кислоту, кусок марли. Каждый солдат получил четверть фунта чаю, фунт сахара, рубаху, кальсоны, кисет, портянки, платки, мыло, бумагу, конверты, карандаш, крючки, пуговицы, наперсток, нитки, подсолнухи (или табак), нож.

Кроме того, *от великой княгини Елисаветы Феодоровны* наши солдаты получили табак, огниво, мыло, спички и лекарства. Нужно было видеть восторг всех чинов армии! *Везде гремело искреннее «ура» и сердечное русское «спасибо» царственным заботницам нашим*. Одним словом, жить и воевать можно. Вот вы там мрачно настроены. По-вашему, мало успеха у нас, а наши солдаты иначе рассуждают. «Когда добивать его (японца) пойдем?» — все спрашивают.

27 октября

В 9 часов я приехал с церковью в деревню Тацзеин. Пришли солдаты помогать ее ставить. В 10 часов началась святая литургия. На этот раз и ветерок был, и батареи наши рядом стреляли; канонада была порядочная. Вместо концерта велел пропеть «Воскресни, Боже, суди земли» и «Ангел вопияше». Сознаю, что это несвоевременно по уставу церковному. *Но здесь, когда страдания и смерть перед глазами и каждый ожидает, что, быть может, сегодня же придет и его страшный час смертный, напряжение нервов, туга сердечная такова, что невольно смущается и мужественная душа. Вот здесь-то услышать радостную песнь «Твой (Богомати) Сын воскресе, тридневен от гроба и мертвые воздвигнувый: людие, веселитесь» необычайно утешительно!..*

Что ж, если и умрем сегодня?! Ведь воскрес Спаситель наш и мертвых воскресит; значит, и нас. **Так, с веселием духовным, радостно встретим смерть, если угодно Господу послать ее нам!..** Приходит даже мысль петь на общей молитве «Христос воскрес».

Среди этих скорбей военного времени хочется все сделать, чтобы только доставить воинам возможно большее утешение, ободрение; они ведь тоже люди, немощные. Под влиянием чрезвычайных обстоятельств силы душевные расходуются быстро, значит, быстро же, всеми мерами нужно стараться и пополнить их.

Насколько религия христианская необходима воину, между прочим, подтверждает следующий рассказ, переданный мне полковником В-м: *«Я долго жил в Японии по делам службы и был в очень хороших отношениях с ректором Токийской духовной семинарии. Вот однажды он пригласил меня к себе на чай по случаю крещения гвардейского офицера. Понятно, я заинтересовался причиной, побудившей его принять христианство. Оказалось, главная причина была война.*

Офицер этот со своим корпусом воевал на острове Формозе. Страна гористая, население, особенно в горах, дикое, жестокое, и японцам пришлось сильно страдать. «Вот здесь-то, — сказал офицер, — при виде ужасных физических и душевных страданий своих солдат я не знал, чем их и себя утешить. Лучшим исходом была

смерть, но какая? Без определенной надежды на дальнейшее существование? Без напутствия? Вернувшись домой, я изучил христианскую религию и нашел в ней все, что искала душа моя».

Замечательный рассказ. Как сильно выражает он необходимость христианской религии для души человека! Истинно слово древнего мудреца: **«Душа по природе христианка!»** Возвратился я в свою деревню, слава Бога, благословившего совершить богослужение, хотя, сознаюсь, так тревожно ни разу еще не служил святой литургии. Люблю я этот день, в который служу литургию. С таким легким, отрадным чувством душевного довольства проходит весь этот день!

Ноябрь 1904 года

7 ноября

Вышел из фанзы. Невеселая картина вокруг: свищет холодный ветер, почти буря, проволока на телеграфных столбах прямо стонет, в воздухе крутится пыль, чумизная солома, гаолян, с криком носятся стаи ворон. Сегодня воскресенье. Первая мысль, что стрелой пронзила меня, — это: «Господи, и сегодня нельзя помолиться». Защемило сердце. Немного постоял я среди этого хаоса, и вдруг сразу решение вошло в душу: отслужить хоть молебен. И в 11 часов на том же месте, где и панихиду служили, у гаоляновой конюшни, поставили столик, а на него Иверскую икону Богоматери, Евангелие, крест. Собралось очень много молящихся, и молебен начался. Что это был за молебен! Как запели сотни людей едиными устами и единым сердцем *«Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному»*, так и свист, и стон ветра, и скрип деревьев — весь этот гам бури — все пропало: заглушили! Над всем стоял один общий глас: *«Иисусе сладчайший, спаси нас! Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! Пресвятая Богородице, спаси нас!»*

И это величание святых, молитва и одушевление победили стихию. Искренняя радость наполнила все существо мое. Оглянулся я: многие солдаты на коленях усердно молятся. Поют все и весь молебен: и тропарь, и «Господи, помилуй», и запевы.

Вот где особенно познается необходимость и польза общего пения: ведь оно весьма одушевляет, заражает, так сказать, молитвенным чувством. Придет человек на молитву с холодным сердцем, вдруг запели все, он невольно начинает подтягивать и увлекается общей молитвой. Растаивает всякая холодность души... Участвуя в общем пении молитв, солдатик изучает церковные чудные напевы, начинает любить их и понемногу петь и один. Так, однажды темным вечером вышел я гулять, слышу, где-то вдали плетется двуколка и доносится голос, поющий: «Яко Спаса родила еси душ наших». Я остановился. Звуки замерли в темноте, только еще ближе подходит тележка. Вдруг снова пение: «Свете тихий...» Затем слышится: «От юности моя мнози борют мя страсти». Тележка поравнялась со мною. Смотрю, пехотный солдатик на козлах возвращается с позиций; за плечами винтовка, на голове башлык. Невольно благословил его, а он уже проехал и все поет: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается...» Далеко в ночной тишине разносился его голос, наконец замер. Я стоял как очарованный и едва поборол волнение, охватившее меня.

Так, по милосердию Божию, и помолились мы; даже и краткое поучение успел сказать о воскресении. *Увещевал воинов не бояться смерти, а твердо верить в общее наше воскресение. Бояться, поучал я, нужно больше всего греха, который делает смерть страшною.* Благословил всех крестом, поздравил с праздником и спрашиваю: «Ну что, дорогие, озябли?» «Никак нет, — понеслось со всех сторон, — мы очень рады». «В таком случае, — сказал я, — и в следующий праздник приходите, отслужим молебен». К утешению, буря скоро прекратилась, и вечер в противоположность утру наступил совсем тихий. Взошла луна, на небе ни облачка, и мы с удовольствием погуляли на сон грядущий.

8–10 ноября

Утро прекрасное, тихое, солнечное. Еду служить литургию в деревню Тацзеин. Господь привел отслужить святую литургию с прежнею торжественностью. Придется ли еще зимою?! *Проповедь говорил о святом архистратиге Божиим Михаиле. Просил воинов помнить и твердо хранить в душах своих для подражания следующую черту из святой небесной жизни архистратига — его непоколебимую верность Господу. И мы будем крепко хранить веру и верность Творцу и Спасителю нашему Богу, будем прославлять имя Его между людьми молитвами, славословиями и нашею доброю святою жизнью!* Не будем не только слушаться крамольников, но, наоборот, постараемся образумить их, обличить, привлечь к послушанию Богу и царю, а если не пожелают, то без укрывательства и послабления отдать их в руки правосудия! Если же какой народ, невзирая на наше милосердие, восстанет на нас по гордости своей, то, подражая святому Михаилу, с молитвой и словами «С нами Бог» пойдём и сразимся с ним! Не жалея сил своих и самой жизни, мужественно, храбро будем бороться!

22 ноября

Завтра память святителя Митрофания, моего ангела. Хотя бы Господь помог отслужить святую литургию! Под вечер оделся потеплее и пошел на свою дорожку служить утреню. Пропел тропарь и величание святому Митрофанию. А перед глазами так и стоит моя церковь: полна народу, горит огнями, я читаю стихиры, канон, Оля едва успевает продавать свечи. А сейчас я один, кругом ни души, остановлюсь — тишина, даже не стреляют; свой голос кажется странным. Ну да ничего! Слава Богу за все!

26 и 27 ноября

За ночь выпал небольшой снежок; мороз, ветер, холодно. Размели назначенное место и начали расставлять церковь. Было весьма трудно: земля замерзла, колья ломались. Наконец с невероятными усилиями поставили-таки церковь, и целый час я трепетал за ее существование — казалось, вот-вот сию минуту рухнет. Но Господь хранил святые иконы, и крест наверху непоколебимо стоял. Обошлось благополучно. Я достаю облачения, приготавливаю святую воду, и невольно пришло в голову сравнение. *Давно-давно уже стоит во вселенной святая Церковь Христова, и за эту долгую жизнь какие только ветры не старались разрушить ее!*

Вот внешние гонения, когда целые столетия лилась кровь мучеников и мучениц за веру или под ударами меча, или терзаемых зверями, сжигаемых, распинаемых на крестах, когда в потоках этой крови людская злоба, неверие и разврат мечтали утопить Христа и Его Церковь. Но мечты их остаются мечтами, и на орошенной святой кровию почве Христос еще более прославился, и Церковь Его стала еще крепче.

Затем времена ересей, наплыв пороков и соблазнов, волны средневековой суеверной тьмы и новейшего неверия, золотой телец и внешняя цивилизация, прикрывающая наготу духа человеческого лоском внешнего развития, прогресса, и многое, многое другое.

Но Христос Господь долго терпит людское неразумие, призывая всех к покаянию и вечной жизни под руководством святой Церкви, которая продолжает стоять и сиять среди житейского моря как спасительный маяк для гибнущих в суете сует. Еще имеются на земле у Господа целые тысячи смиренных и верных рабов Его — членов святой Церкви.

Накрапывал дождь, солнца не было видно, и природа грустила, будто живая. Смотрю: колышется знамя, а за ним стройно, сомкнутыми рядами, в ногу идет славный полк. Куда? В атаку, на новую Голгофу... *Странное чувство тогда вдруг наполнило душу мою: и грустно было на сердце, и вместе с тем так страшно тянуло слиться с ними, этими мучениками, в один организм, вмешаться в их ряды и идти, идти туда, откуда, может быть, уже не будет возврата...* Да ведь Бог мог не допустить войну? Мог, но Он попустил этот Страшный суд земной, и **мы должны, подобно святому Победоносцу Георгию, хотя бы умереть, но честно выполнить долг наш.** Когда-нибудь откроется причина, почему Господь попустил эту войну, а теперь... Господи Иисусе, спасай нас! Святой Георгий, молитвами твоими поддержи в нас веру и верность Богу, царю и отечеству даже до смерти!

28–30 ноября

Входит рано утром Ксенофонт (денщик) и говорит мне потихоньку: «Батюшка, полежите еще, погрейтесь, сегодня очень холодно, восемнадцать градусов мороза». «А ветер есть?» — спрашиваю я. «Нет, тихо», — отвечает. «Тогда скажи Михайлу, чтобы известил всех: будет молебен в 10 часов; *Бог даст, как-нибудь отслужим, ведь сегодня воскресенье!*» Встали. Я вышел на улицу, иду к саперным землянкам; там живут некоторые из особенно любимых мною солдатиков; хочу сам сказать им о молебне; они всегда так рады бывают. Нарочно выбираю места, где снежок: так приятно хрустит он под ногами, а главное, напоминает о прошлом. Однако мороз сильно хватает за уши. Что-то мои саперы в суете. Спрашиваю унтер-офицера о причине. «Прощайте, батюшка, — с грустью говорит он, — уходим, нас переводят на другое место; очень даже прискорбно: привыкли мы к вам». Да, по правде сказать, и мне весьма тяжело с ними расстаться, ведь три месяца мы были вместе, и они особенно усердно посещали наши богослужения. Благословил я друзей-саперов, простился и пошел на обычное наше место служить молебен. Хотя и солнышко ярко светило и даже немного грело, но все-таки мороз сильно беспокоил; ни разу так холодно не было во время службы.

Сказал отпуст, а крест держу, завернувши в ризу; целовать его нельзя: губы прилипают. Обошел ряды и лишь благословил всех. Вспомнилось мне, как, бывало, пред Рождеством говорил я проповеди, приглашая молящихся умилосердиться и отогреть холодных и голодных. Старался нарисовать картины лишений, испытываемых бедняками в холодных жилищах, но все это говорилось не по опыту.

Топим самодельную «галкинскую» печку два раза в день, а мороз не слушается и все лезет к нам. Какое блаженство в это время в холодном жилище представляет собою огонь! *Как летом при пятидесятиградусной жаре холодная вода, казалось, составляла все в жизни, так теперь «все» это составляет огонь.* Как затопят печь и запылает

пламя, так и потянешься к нему: и руки, и спину, и бока — все повернешь к огню несколько раз, и как невыразимо приятно ощущение теплоты, проникающей и разливающейся внутри тела! Кажется, положите рядом с печкой груды золота и драгоценных камней и предложите выбор: каждый без колебания выбрал бы теплоту! А золото? Бог с ним: оно мертво, не греет! Особенно забавно бывает у нас вечером, когда мы ложимся. Начинаются крики: «Ох батюшки мои!», «Ох, холодно!» Больше всех кричим мы с адъютантом: верно, очень нежны.

Действительно, постель — лед. Потом начинается одеванье. «Вы сегодня во сколько этажей одеваетесь?» — спрашивает меня адъютант. «И не сочту никак, — смеясь отвечаю я, — двое чулок, двое рейтуз, рубашка да две фуфайки, шуба меховая, теплое одеяло и на голову шлем. А вы?» «Нет, я, — говорит он, — свое бедное тело на ночь освобождаю от внутренних оков, а снаружи кладу на себя три этажа: шубу, теплое одеяло и бурку да на голову шлем». *«Ничего, жить можно!» Это у нас всегдашняя присказка ко всем воплям.* Слава Богу, породнее потом покажутся все «холодные».

29-го и 30-го мороз еще усилился и ночью доходил до двадцати-двадцати двух градусов. Вместе с этим уменьшалась и теплота нашего обиталища. Только и спасаемся тем, что пьем и пьем чай, а руки мажем глицерином.

Декабрь 1904 года

2 и 3 декабря

Не ради Своего наслаждения творил Господь вселенную, отвечал я. *Он Сам в Себе имеет всю полноту блаженства и не нуждается ни в чем.* Бесконечно мудрый и любящий Господь воззвал к бытию сонмы разумно-свободных существ, ангелов и людей, и для них сотворил эту дивную вселенную, — для них, чтобы эти ограниченные существа наслаждались красотами и мудростью вселенной; восторгались, трудились, учились, познавали ее законы и в них находили бы, отыскивали свойства Творца своего; развивали этим свои богоподобные свойства, славословили и воспевали мудрость, могущество и любовь Божию и в этом полагали для себя счастье. В книге Иова так и написано: *«Когда сотворены были звезды, восхвалили Господа все ангелы Его».* Да, для человека земля и все, что на ней! Землю не ради же ее самой творил Господь; ведь земля хотя и мудро устроена, но сама по себе неразумна, равно как и животные. Конечно, нужно на земле присутствие разумного существа, человека, который бы сознал, понял всю мудрость и красоту ее и прославил бы Творца Бога.

4 и 5 декабря

Утром рано встал, все приготовил, и в 9 часов начали служить святую литургию. Припоминаю вчерашний разговор о наслаждении от общественного богослужения. Там, в России, в мирное время многие, быть может, говорили о необходимости мирских, суетных наслаждений — театров и других зрелищ; человеку-грузнику будто бы необходимо по-мирски веселиться, иначе он замрет, затоскует, заскучает. Но прежде всего, потребность в этих удовольствиях слишком преувеличена. Вот уже полгода, как все мы оторваны от всех мирских удовольствий, трудимся

не меньше мирного времени, а невзгод и неудобств даже гораздо больше. Что же, отсутствие прежних наслаждений очень заметно? Заскучали, затосковали без них? Ничуть. Наоборот, скорее и прилежнее пошла работа, и в самой работе мы стали находить гораздо больше интереса, чем раньше. *Вместе с тем душа, истинно Божие создание, освободившись от этих цепей мирских утех, с большею силою стала рваться к своему первоисточнику — Богу, чтобы войти с Ним в общение и насладиться этим. Вот потому-то теперь и молитва, эта беседа с Богом, так невыразимо приятна, так восторгает и тем указывает, что и в мирное время возможно доставить душе своей это истинное блаженство, если будем иметь силу воли заставить себя удалиться от суетных наслаждений.*

6–9 декабря

Мне кажется, если бы люди с раннего детства слушали возможно больше рассказов из жизни древних христиан, святых, мучеников и мучениц, а равно и читали почаще о том, то и жизнь их была бы совершенно другою, была бы чище, светлее. *Ведь капля за каплей воды, падая на камень, разбивает его; неужели же душа человеческая окажется грубее камня, когда на нее ежедневно будут падать капли воды живой?* Нет! Как бы ни были дурны ее склонности, как бы ни были тяжки ее грехи, но постоянное чтение о подвигах подобных нам людей, которые силою веры победили в себе дурное и так горячо полюбили Господа, что в ничто вменяли все блага земной жизни и с охотой жертвовали всем, даже самую жизнь, лишь бы не лишиться сладостного общения с Богом, — чтение об этом, пребывание в этой святой атмосфере может ли пройти бесследно для человека? Конечно, нет! Все это разобьет окаменелость сердца у взрослого и не даст окаменеть и развратиться дитяти. Помню, как в детстве трогали душу жития святых и рассказы из жизни древних, особенно мучеников. Каким-то пламенем загоралось тогда все существо, мысль летела туда, в Колизей, ко львам, в катакомбы, к ногам этих дивных епископов, пресвитеров, мучеников, мучениц, одни имена которых наполняли душу восторгом. А в воображении и себя, бывало, уже ставишь в то положение, о котором или сам прочитал, или другие рассказали.

Как мудры были наши предки, когда воспитание и образование детей начинали со слов «Бог», «Богородица», «ангел» и пр. и вместо выдуманных детских рассказов читали им священную историю, жития, Псалтирь! Ведь душа дитяти — чистая бумага, и написанное на ней в детстве святое от многого дурного потом сохранит ее. Ах, если бы в теперешних христианах воскресли чувствования древних! Как интересна была бы жизнь! И как всегда поучительны пример и опыт святых! Теперь все толкуют о переделках снаружи. *Да снаружи-то хотя бы и все было идеально устроено, но если внутри человека будет расстройство, то и идеальная внешность не поможет: все разрушится.* Нужно каждому внутренне преобразиться, стать истинным христианином, а внешнее тогда и без всяких переделок будет прекрасно; преобразование же это возможно только через Христа. Счастливы древние христиане! Их внимание всецело занимало одно: как бы не нарушить заповеди Христа, как бы сохранить себя святыми, честными, благородными, и не в личной только жизни, но и в общественной. Приятно прошло служение наше, приятно, конечно, для души; с внешней же стороны оно было очень неприглядно, но на это никто не роптал. Слава Богу, что и так-то удалось помолиться. Очевидно, святая литургия, совершаемая в такой необычной обстановке, и на всех оставляла глубокое впечатление: следы душевного волнения ясно замечались на лицах молящихся. После литургии крестным ходом с пением «Спаси, Господи, люди Твоя» и тропаря святителю Николаю вышли мы из фанзы на огород,

где уже были построены четыре эскадрона. Полдень. Маньчжурское солнышко успело разогнать холод и пригрело так, что мы отслужили молебен с многолетием, не дрожа от мороза.

Разоблачаю престол, Михайло и Ксенофонт хлопчут, складывают церковь, высказывая свои впечатления, а обязательный Ник. Павл. Серебренников уже приветливо приглашает меня выпить чайку. Именинники угощают гостей обедом. Я наскоро закусил и, не ломая, как говорят, беседы, исчез. Мне ведь нужно было еще попасть к саперам в соседнюю деревню: они, наверное, думал я, ждут. Действительно, когда мы подъехали, батальон стоял уже в ожидании. Идет батальонный командир, украшенный золотым оружием за храбрость; гремит его голос: «Здорово, молодцы саперы! С праздником! На молитву! Певчие, вперед!» Заиграла труба известный мотив, грянула музыка «Коль славен наш Господь в Сионе, не может изъяснить язык». *Удивительно действует на душу этот чудный гимн, особенно здесь: нельзя не волноваться.* Замерли последние звуки музыки, и мы начали служить молебен. Однако природа что-то разгневалась на нас: все время было тихо, а тут вдруг подул ветер, быстро перешел в бурю; зги не видно от пыли, и завывание ветра вступило в ожесточенный спор с нашим пением!

10 и 11 декабря

Сегодня день надолго памятный: получил сразу три посылки от Оли из Москвы. Как долго мы их ждали! Говорю мы, потому что здесь так все сжились между собою, что интерес одного есть интерес всех.

По письмам еще с сентября знали о высылке посылок, и по нашей Каулоуцзинской колонии давно прошел сладостный слух: «Вы знаете? Батюшке из Москвы послано несколько посылок, также Калинину, Образцову, Бузинову». — «Неужели?» — «Наверное знаю. Вот интересно!» Немного погодя новый слух, но такой, от которого все приуныли. «Вы слышали?» — «Что такое?» — «Да посылки-то наши, говорят, пропали где-то в Сибири или сгорели в Харбине». Как молния, пронеслась эта последняя печальная весть между всеми. Немного посерчали, пожалели как полагается, но скоро оправились, и уж было остро отпущено по нашему адресу со всех сторон целый короб! «Поздравляем с получением! Ну, как московская ветчина? Колбаса? Понравились?» Конечно, отшучиваемся.

И вдруг, когда все считалось оконченным и похороненным, нежданно-негаданно посылки объявились! *Ох, какое это счастье! Ведь каждую вещичку покупала, работала, завертывала, укладывала родная, любящая рука.* Верите ли, ей-ей, руки дрожали, когда раскупоривал, а сердце колотилось так, как будто выскочить хотело! Каждый сверток вызывал восторженные восклицания: «Сало-то, сало какое! Колбаса-то свежайшая! Икра, печенье! А вот, посмотрите, целый пулемет — монпансье» и т.д. Конечно, сейчас же начался пир горой. Ксенофонт принес кипятку, и мы, закусивши присланной провизией, с удовольствием попили чайку с монпансье и цукатами, от души приговаривая: *«Дай, Боже, здоровья и всякого блага приславшим!»*

15–24 декабря

С каким воодушевлением все эти дни готовились мы к встрече великого праздника Рождества Христова! Мечтали служить всенощное бдение, святую литургию; приобрели молодые сосенки вместо елок. Заготовили праздничную провизию... Вот уже 23 декабря. Завтра сочельник, решили все попоститься.

Вдруг все мечты, все приготовления разлетелись в прах. Пришел приказ главнокомандующего выступить полку утром 25 декабря в полном составе и присоединиться к отряду Мищенко. Это значит, мы идем в набег, во фланг, будем впереди всей армии. Засуетились, забегали солдатики; пошла чистка амуниции и всего снаряжения; ну, значит, рушилось все: нужно готовиться в поход.

Как преобразилась пустынная станция Суютунь! Теперь там масса путей, поездов, лазаретов, палаток, интендантских грузов, солдат, офицеров; выгружают осадные орудия, прокладывают легкую железную дорогу для перевозки тяжелых снарядов, пушек. Везде солдатики метут сор около своих землянок, втыкают в землю сосенки, вешают на них красные и синие бумажки — одним словом, все готовятся к празднику, а мы... в поход! Что делать? Послушание, исполнение долга прежде всего. Наступил вечер, я окончил приготовления. Из 3-го эскадрона мне прислали смирную лошадку; подковали ее на зимние подковы; в кобуры седла положил чай, сахар, колбасу, сало, полотенце, три перемены белья, облачение — ризу и епитрахиль; Святые Дары и крест — на мне; бурку привязал к седлу — и готово! Остальной обоз или подойдет после, или мы, окончивши свое предприятие, вернемся назад. Все едем верхами. Слава Богу, полк будет действовать весь вместе. Опасное, трудное дело предстоит, но очень нужное и полезное для армии. Потрудимся!.. Когда заблестали звезды, я вышел гулять, чтобы хотя мысленно пережить те святые чувствования, что, бывало, в это время переживал в Орле. Грустно стало на душе: лишены молитвы. Со стороны позиций доносится дружное пение «*Рождество Твое, Христе Боже наш*». Ярко пылают костры. И японцы не остались в долгу — освещают нас прожекторами. Иллюминация! А наши солдатики работают, укладываются. Итак, завтра утром уходим. Благослови, Боже, а теперь нужно полежать на кровати. Порт-Артур пал вчера. Давно уже мы этого ожидали. *Спасибо героям: долго они нам помогали.* Мы идем дней на десять или самое большее недели на две.

25 декабря

Сегодня выступать в боевой поход, набег на город Инкоу; в 10 часов утра уходим. Я встал еще до света: нужно привести в порядок остающиеся здесь вещи и хотя немного попраздновать, ведь Рождество Христово наступило! Умылся. Достал Святые Дары, епитрахиль и пошел на лед нашей «Невы». Звезды еще ярче блестят. *В России в такое время несется гул колоколов, уже прославили родившегося Спасителя, а здесь тишина мертвая, даже пушки молчат.* Японцы прислали письмо, поздравляют с праздником и дают слово сегодня весь день не стрелять, если и мы сделаем то же. Кажется, обе стороны выполнили условие, и день прошел мирно. Выбрал на льду чистое местечко, поставил Святые Дары и приобщился. Что-то подступило к горлу: волнение положительно душило. Отпраздновал. Верно, уж такая наша доля, что как большой праздник, так нам поход или бой. **Впрочем, слава Богу за все, Ему так угодно.** Возвратился в фанзу; наши встали, собираются. Позвал Михаила и отпели краткий молебен, поздравили друг друга.

Затем с Михаилом «пошли по приходу»: были в 1-м и 4-м эскадронах, в штабе бригады, полка, у корпусного командира. Везде пели краткие молебны. В 9 часов вернулся я, напился чаю, закусил и в поход. Помолились.

Благословил я нашего «дедушку» — штандарт, командира полка, адъютанта и сел на свою лошадку. Вынесли штандарт, раздалась команда, блеснули шашки на караул, приветствуя «дедушку», и мы тронулись. *Что-то даст Бог?! Вернемся ли?* Ведь идем в тыл огромной японской армии, и задача — дойти до самого Инкоу.

Я проехал по фронту и благословил своих воинов на новые труды.

Едем. Солнце ярко светит и так греет, что жарко в седле. «Не декабрь, а апрель сейчас», — говорят офицеры. Безветрие полное, и тучи пыли. «Вот так угощение нам на праздник, — шутят солдатики, — пыли наглотаемся досыта». *Везде шутки, остроты; все рады делу, бодры, будто едут не на битву, а на веселый пир.* Я въехал в строй 4-го эскадрона, стал в ряды и еду с солдатами. «Не робей, — говорю, — братцы! Я с вами, буду молиться за вас; кого ранят или кто заболит, приобшусь — вот видите Святые Дары на мне? Кто умрет героем в честном бою, отпою погребение: не зароем как-нибудь». «Умирать один раз в жизни, — говорит мой сосед Архипов, из запасных, — от могилы не уйдешь все равно, а умирать в бою — это действительно хорошо. Что ж? Дай, Господи!» «Да ты, верно, семейный? — спрашиваю я его. — Разве тебе не жаль родных?» «Что ж, батюшка, жалеть? Бог им даст силу — перетерпят; к тому же на каждого едока государь теперь дает один рубль пятьдесят копеек в месяц: прожить можно, зато душе спасение». Едем, беседуем. Я как-то сразу примирился с пылью: ничего, дышу, даже разговариваю и, насколько утром волновался, настолько же теперь, когда уже поехали, успокоился. **Буди воля Божия над нами!**

Благополучно прибыли в деревню Эльтхайцзы. Нежинский полк уже стоит в строю. Подошли мы и выстроились так, что оба полка стали лицом друг к другу. Не могу выразить состояние души, когда раздалось дружное пение *«Рождество Твое, Христе Боже наш»* и *«Дева днесь Пресущественнаго раждает»*... Можете представить чувства молящихся, с которыми они прославляли родившегося Спасителя, отправляясь на такое страшно опасное дело?! Да, от души молились, прося у Господа помощи на предстоящие боевые труды. Окончился молебен, я благословил оба полка, и сейчас же тронулись в дальнейший поход. Ко мне подъехал Поля, и все время до вечера мы ехали с ним рядом. «Как хорошо, что вы с нами, батюшка, — слышу голос подполковника Образцова, нагнавшего меня. — *Вы благословили нас, с молитвой мы начали поход — так приятно! С благословением Божиим и сражаться, и страдать, и умирать легко!*»

30 декабря

Во всем же отряде раненых человек сто пятьдесят да убитых восемьдесят-девять. Задача выполнена; пора назад. Помоги, Боже, дойти благополучно! Уже неделя, как мы отрезаны от всего мира. Чувство такое, как будто мы умерли, а отечество, близкие где-то далеко-далеко, в другом мире и войти с ними в общение не в нашей власти: умерли, да и только! Оказалось, это чувство испытывалось всеми. В 9 часов вечера приказано отойти назад верст на десять-пятнадцать и туда перенести раненых. Не забыть мне этой ночи! Все три колонны шли по одной дороге: артиллерия, зарядные ящики, патронные двуколки, лазаретные линейки, вьючный транспорт, казаки, драгуны.

Тревожно спал: представлялось, будто я забыл где-то Святые Дары. С ужасом просыпаюсь. Слава Богу, это сон: Святые Дары на мне. Завтра утром поеду к раненым.

31 декабря

Выступать приказано в 11 часов. Нужно перевязать раненых. В 7.30 утра я и Михаил поехали на перевязочный пункт, версты две от нашей деревни. Что за зрелище открылось пред моими глазами?! Большой двор и две фанзы наполнены ранеными,

и по дороге еще несут. Нужно спешить, ведь из Инкоу могут прийти японцы, а новый бой нежелателен. На правой стороне двора лежат убитые. Я отслужил краткое отпевание по убитым. Понятно, слезы душили нас. Взял Святые Дары и пошел по фанзе, по двору, по дороге. Подхожу к раненому, открываю шинель, спрашиваю: *«Не желаешь ли, я приобщу тебя Святых Таин? Господь есть первый врач наших душ и телес»*. Ответ всегда один: «Очень рад, пожалуйста, батюшка». Тогда спрашиваю, нет ли каких особых грехов, кается ли сердечно и верует ли. Затем читаю разрешительную молитву и приобщаю раненого. Так же точно причащаю по дороге на арбах и носилках. Подхожу к одной арбе; лежит раненый офицер Приморского драгунского полка. На мое предложение приобщиться Святых Таин он говорит: «Да я, батюшка, еще не собираюсь умирать». Вот как глубоко укоренился ложный взгляд на святое причащение больных. *«Причастие, — говорю я ему, — не в могилу ведет, а соединяет с Богом и дает силы терпеливо перенести страдания, тем более что нам еще предстоит верст двести пути»*. «Благодарю вас, согласен», — отвечает. И офицер приобщился на арбе. Затем причастил на носилках казачьего офицера и до двадцати солдат. Подошел к носилкам нашего офицера Пантелеева, благословил его; он легко ранен в ногу.

Вхожу в фанзу; только что принесли вольноопределяющегося нашего полка Киндякова. Рубашку сняли: вся грудь в крови; пуля попала в правый сосок и пробила легкие. Конечно, умрет.

От страдания капли пота выступили у него на лбу, но ни одного стога. Я подошел, благословил его. «Ах, как я рад, что вы здесь, — говорит он мне. — Я серьезно ранен, верующий; пожалуйста, приобщите меня Святых Таин!» Конечно, сейчас же я приобщил его. Побеседовали мы с ним; в конце он снял с груди свой Георгиевский крест, подал мне и говорит: «Крест в эскадрон. Я чувствую, что умру, *передайте всем мой поклон, скажите, что я счастлив, исполнивши до конца свой долг*». Простились. Приобщил я еще четырех раненых своего полка и поехал догонять свой полк: боюсь, как бы не ушел.

Январь 1905 года

8–18 января

Господи, какой сегодня тяжелый день — день погребения наших усопших героев корнета Романова и вольноопределяющегося Киндякова! Да, это были истинные герои! Царство им Небесное! Ведя свой взвод на японский окоп под городом Инкоу, Романов закричал: «Братцы, за мной в окоп, вперед и только вперед!» — и тут же был сражен четырьмя пулями. Его подхватил фельдшер Пух и унтер-офицер; на их руках он и скончался. А Киндяков?.. Помню, 27 декабря подъезжаем к городку Ашенгору; я еду с ним рядом, беседуем. Видя университетский значок на его груди, я спрашиваю: «Что побудило вас идти на войну?» «Что? — возразил он. — *Сознание, что я молод и русский. Хотя я и окончил университет и мог, понятно, поступить на гражданскую службу, но когда отечество страдает, то, мне кажется, каждый способный носить оружие должен предложить свои силы отечеству для его защиты*».

Примут или нет — это другой вопрос, но предложить должен. Я так и поступил. Приняли. Вот душа моя и покойна: исполняю свой долг». И исполнил! 30 декабря под городом Инкоу вместе с Романовым храбро пошел на окоп, пламенными словами

воодушевлял солдат, был ранен в ногу и все-таки шел, и только пуля, пробившая ему грудь и легкие, остановила его: он свалился. Принесли его на перевязочный пункт.

С верою и благоговением приобщился он Святым Таин и, умирая, сказал мне: *«Скажите всем, что я счастлив, выполнив до конца свой долг»*. Сам снял с груди окровавленный Георгиевский крест и передал его мне, завещавая эскадрону.

Разве это не истинно русские люди, у которых нужно целовать край одежды? Разве это не герои? И вот этих-то героев мы сегодня погребаем. Больно и в то же время, сознаюсь, как-то сладостно на душе. Ведь теперь в России многое множество измельчавших душонок, которые готовы все критиковать, разбивать, кричать о долге, а при первой необходимости исполнить долг тотчас прячутся или начинают изворачиваться. **Видеть пред собою действительных подвижников, своею кровью и смертью запечатлевших верность долгу и любовь к царю и родине, весьма отрадно.**

На том же огороде, где прежде мы молились, на месте, где устроили церковь, стоят на подставках два белых гроба. Пред ними на китайском столике, покрытом красной попоной, поставил я икону, Евангелие, крест. Сняли с гробов крышки. *Удивительно, как покойны лица у наших дорогих усопших!* Правильно народ назвал мертвых покойниками. Да, молоды были они, наши герои, но честно поработали, сколько успели, и вот успокоились. Из восковых свечей сделали два крестика, и я вложил их в руки усопших. Облачился; скомандовали на молитву; трубачи заиграли «Коль славен». Понятно, волновался я страшно. Пред началом погребения мог сказать несколько слов приблизительно так: *«При погребении дорогих сердцу нашему усопших обычно скорбят, плачут, но среди нас сегодня пусть не будет скорби и слез: вера в Бога и загробную жизнь должна наполнять наши души! Не простых мертвых хороним, нет, мы погребаем героев. Все знали, все видели их подвиги и их героическую смерть при исполнении долга. Воздавая должную честь почившим боевым товарищам молитвой о упокоении их душ, воодушевимся сами их примером, чтобы и нам удостоиться так же самоотверженно исполнить долг наш пред Богом, царем и родиной! Царство Небесное и вечный покой да даст им Господь на небе!»*

Поем погребение; волнение мое улеглось, и душа наполнилась тихим спокойствием, я стал испытывать чувство, будто отпеваю чистых, невинных младенцев. Простились и при звуках гимна «Коль славен» и погребального марша понесли к месту упокоения. Одним словом, сделали от общей любви все, что только здесь возможно.

22 и 23 января

Простите, несколько дней не в силах был писать дневник да и сейчас пишу потому, что слишком одолела скорбь и неудержимо потянуло поделиться с вами своими чувствами, высказаться — все легче станет. Российские события сразили меня. Не думал я, что теперь, когда временно нужно все отложить и думать единственно о спасении чести дорогого отечества, нашлось так много изменников, фальшивых русских, устраивающих стачки, требующих позорного мира и пр. Понятно, потом мы все-таки японцев одолеем, но только в том случае, если не помешают свои же русские внутренние враги. Не знаю, как бы другая чья-нибудь армия выдержала себя здесь, сознавая, что поддержка придет очень нескоро. А мы, «скверные», «никуда не годные», по приговору своих и чужих судей (хотя чужие, кажется, меньше, чем свои, замечают у нас грехи и судят), «коекаки», все еще терпим, и *даже ни у кого мысли не явилось бросить войну и помириться*; напротив, все здешнее переносим, одно прибавляя вслух и про себя: *«Авось перетерпим, авось Господь поможет, и мы победим»*.

И все страшно боятся, что нас заставят мириться с японцами. Большинство офицеров говорит, что они тогда сейчас же подадут в отставку. Даже многие солдаты стыдятся ехать обратно. Нет, лучше умереть, нежели вернуться домой побежденными или с позорным миром. Это убеждение большинства из здешних, да, признаться, и я так же думаю. **Это не гордость, нет, это любовь к отечеству. Боже, помоги нам!** Я не унываю, смиряюсь, но...тяжело!

Сегодня служил святую литургию. Поместилось до восьмидесяти человек. Когда одолели тяжелые помыслы, бросился я к Евангелию, святым отцам, псалмам, молитве. Воистину кладезь глубок воды живой содержится в них. *Я буквально пил эту воду и могу свидетельствовать, что если грусть и тоска будут одолевать человека, то эти книги и молитва спасут его, до уныния не допустят.* Святая же литургия невыразимо утешительна для скорбящего и обремененного. Я не могу описать чувства, которое испытывал сегодня во время богослужения. И грязный потолок фанзы как будто пропал; душа, казалось, вышла из тела; слезы душили, и вместе, чем дальше, тем все сильнее становилось ощущение какого-то размягчения, будто таяло что-то внутри, и потом так легко-легко стало: положительно, тяжелый камень свалился с моего существа. Я не мог удержаться, начал говорить проповедь (хотя я не готовился и мало было слушателей). Скорее, сам себе проповедовал. Как будто кто-то другой подсказывал душе моей неизъяснимые слова утешения, назидания, а внутреннее мое «я» внимательно слушало, услаждалось; язык же только извлекал их из глубины души и, как мог, выражал, давая наружную оболочку. Говорил я, что *мы слепы духовно, что наших собственных, человеческих усилий ума и сердца не хватит, чтобы решить все вопросы вечной жизни и утешить нас в скорбях. Только вера в Бога, сердечная, крепкая, и молитва спасут нас, утешат и все разрешат.*

«Иисусе, Сыне Давидов, помилуй меня, чтобы мне прозреть» — вот вопль души нашей, который, исходя от всего сердца, будет услышан, непременно будет услышан Спасителем, и мы ясно почувствуем ответ Его: «Прозри: вера твоя спасла тебя». И как будто чешуя свалится с духовных наших очей, и многое представится нам в другом свете, все разъяснится, камень скорби и греха свалится, и станет так все ясно и так легко-легко. О, слава Тебе, милосердный Господь наш и Спаситель, за принесенный Тобою нам свет, просвещающий, утешающий и спасающий нас! Представьте, что после святой литургии я даже радовался: так мне стало легко. Да будет воля Божия над нами, недостойными.

Февраль 1905 года

5 и 6 февраля, деревня Каулоуцзы

Свыкся с положением военным, с мыслью об опасности (ведь всего шесть верст от позиций) и достиг такого состояния душевного спокойствия, что, видите, могу читать и даже гулять. *Вера в промысел Божий, мудрый и благий, укрепила мои силы душевные, и я теперь в состоянии переносить снова все российские и военные испытания.* Что могло быть хуже положения древних христиан? Их били, терзали, гнали, казнили; нигде на земле защиты они не находили. Ведь могли бы, кажется, и усомниться в вере, однако все вынесли они с верою в промысел Божий, со смирением, терпением и благодарением. И они победили. Мы теперь должны быть особенно подобны им, так как новое язычество, лицемерное и гнусное, охватывает все

большую часть людей и гонит все истинно Христово. Так потерпим же! Смиримся под руку Спасителя нашего! Не изменим Ему, а среди всех испытаний, гонений и бед будем благодарить Его за все, молиться Ему о помощи, надеяться, что будет время, когда Христос выведет, как свет, правду нашу.

7 февраля

Сейчас служили мы панихиду по новом мученике царствующего дома, великом князе Сергие Александровиче. *Царство Небесное мученику за правду! Бедная наша страдальица великая княгиня!* Да утешит ее Господь, а злодеев да судит Бог по правде Своей. Злодеи! Вы кричите о свободе, а сами действуете насилем. Это что же за логика такая, несчастные погибшие люди? Господи, тяжело!..

Гнусное убийство великого князя Сергея Александровича страшно поразило меня. Я сейчас же послал великой княгине Елисавете Феодоровне сочувственную телеграмму и вчера получил от нее ответ: *«Благодарю за молитвы; в молитвенном единении почерпаю силы переносить незаменимую утрату. Елисавета».*

10 февраля, деревня Каулоуцзы

Нет слов выразить, как потрясла нас всех ужасная весть о мученической смерти великого князя Сергея Александровича от руки злодея. До слез жаль бедную страдальицу великую княгиню! Такая сердечная, чудная женщина и какое тяжелое горе выпало на ее долю! Я два раза служил панихиду по великом князе; всем нам хотелось помолиться об усопшем. Я часто, часто смотрю теперь на картину Васнецова «Преддверие рая». Чудная картина! Пред глазами цари, царицы, князья, мученицы Екатерина, Варвара и другие мученики, знатные, убогие — все труженики, и у всех одно в глазах: исполнен долг, завещанный от Бога. *О Господи, помоги же и нам среди заслуженных нашими беззакониями страданий не пасть духом, не ослабеть в вере в Тебя, в промысел Твой!*

Странно, как это христиане мечутся туда-сюда и ищут ответа на вопрос: *как жить, чтобы на земле счастье и правда царили?* Неужели могли они забыть, что Господь Иисус Христос так ясно и просто раз навсегда разрешил этот вопрос, сказавши, что *«Царство Божие внутри нас».* Кажется, ясно: займись каждый переделкой себя, своей внутренней жизни, преобразись по образу Христа, а внешнее, формы жизни сами собою будут хороши. **Человек, преобразившийся по Христу, никого не обманет: ни Бога, ни людей.** Мне всегда представляется, что, если воду грязную, находящуюся в глиняном сосуде, перелить в золотой, она от этого не станет чище, так как не в стенках сосуда находится грязь, а внутри самой воды. Отсюда, конечно, вывод прост: как бы ни были совершенны внешние формы жизни, они сами по себе не очистят внутренней порчи, а, наоборот, замаскировавши внешним блеском внутреннее разложение, только долее продержат людей в обмане.

Нет, дай, Господи, нашему дорогому отечеству, потрясенному бедами и злодействами, под управлением помазанника Божия самодержавного царя и при святом руководстве Православной Церкви, возродиться во Христе, да так, чтобы каждый русский мог всегда сказать: *«Теперь уже не живу я, но живет во мне Христос».* Вот тогда и воцарится на нашей родине правда и счастье. Под влиянием последних событий так было всем тяжело; и что было бы с нами, если бы не вера в промысел Отца Небесного, Который знает, что и для чего делает. Выйдешь на наш огород, взглянешь туда,

в синеву небес, вознесешься мыслью и сердцем к Нему, сладчайшему нашему Отцу, вздохнешь пред Ним глубоким вздохом покаяния, смирения, просьбы о помощи; и вдруг так ощутительно почувствуется Его внутренний голос: *«Зачем усомнился, маловерный? Ведь Я же сказал заранее, что в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир, что претерпевый до конца спасется, что не будьте подобны тем, кои во время счастья веруют, а во время напасти отпадают, Я с вами до окончания века!»*

И самому становится стыдно: как это я мог предаться унынию? Ведь сила наша — Христос, Который претерпел ужасные страдания, мученическую смерть и победил всех врагов воскресением.

Он же, Спаситель, и верным последователям Своим дает победу; эта побеждающая сила с нами! Пусть все силы ада идут на нас, пусть мы останемся «малым стадом», но слово Спасителя: *«Не бойся, Я с вами» — никогда не забудем. Уныние прочь.*

Я послал великой княгине телеграмму, а потом написал и письмо: не мог удержаться. Ведь горе-то, горе какое! Сколько раз она на войне утешала нас и близких наших.

23 февраля

С раннего утра со стороны Мукдена стала доноситься страшная канонада; там, вероятно, ад. По нашему отряду тоже стреляли шимозами, но они не долетали. Сегодня среда недели мясопустной (масленицы); по уставу святой Церкви полагается читать великопостную молитву «Господи и Владыко живота моего». Прочитал ее с умилением. Грустно стало на душе. Наступает Великий пост, а нам даже нет возможности отслужить молебна. Как-то Господь приведет нас говеть! Да и придется ли?.. Отъехали не более версты, как вдруг раздались артиллерийские выстрелы, и японские шимозы стали падать не более как в ста шагах от меня; за ними полетели шрапнели, с визгом разрываясь вверху приблизительно на таком же расстоянии. Сознаюсь, очень страшно стало; но колонна наша не дрогнула, и японцев ближе к дороге мы все-таки не пустили. Два раза в этот день они обстреливали; оба раза остались мы на месте, и Господь сохранил от потерь. В 3 часа дня подошли к отряду наши разьезды и привезли мягкого хлеба. Как же рады мы были!

25 февраля

Итак, опять отступать! Опять после стольких жертв ушла надежда на скорое окончание войны! Господи, доколе забудеши ны? Неужели до конца? Впрочем, не как мы хотим, а как Ты: воля Твоя да будет! Значит, беззакония наши так велики, что правосудие Божие определило еще наказать нас. Смиримся!

<...>

Совсем собрался было я присесть вздохнуть; в груди — камень, горло сдавило, в мысли одно только — горе, горе; ведь только и вырвется облегченный вздох, как внутренне скажешь: *«Да будет воля Божия»*. Да, собрался было посидеть немного, но входит казак и докладывает, что много японской пехоты и два полка конницы идут по линии железной дороги, прошли уже нас. Если это верно, то, значит, мы отрезаны.

Собрались начальники и решились здесь умереть, если придется. Куда же теперь идти? Все истомлены, да и тьма. Я вышел во двор... Целый рой мыслей. С полной ясностью представилось: быть может, сегодня последняя ночь, *ведь не такие наши кавалеристы, чтобы сдались в целях сохранения нашей жизни*. Вспомнилось как-то само собою

многое-многое из прошлой моей жизни; вспомнилась и пронеслась в какие-нибудь пятнадцать-двадцать минут чуть не вся моя жизнь. Михаил стоит около лошадей; я подошел к нему, благословил его и сказал: *«Если меня убьют, а ты каким-нибудь чудом останешься жив, передай тогда всем мое благословение и скажи, что мы с тобой были там, где нам нужно было быть, и что я не унывал»*. Прилег на кан. Как ни был уставши, а глаза не смыкались. В 2 часа ночи вернулся разъезд и донес, что конница японская действительно прорвалась на линию железной дороги и произвела панику в наших обозах, а пехоты нет. Часа на два забылся я тревожным сном.

26–28 февраля

Целый день до глубокого вечера мы медленно отходили, стараясь насколько возможно больше задержать японцев, которые сильно наседали и шли буквально по пятам нашим. Наступила снова тревожная, холодная и темная ночь. Костров разводите не велено, а донесения о продолжающемся движении неприятеля печальные. Лошади и люди устали, отдых необходим, и мы остановились в деревне верстах в сорока от города Телина. Прилег я на кан, но мысль о церкви решительно не давала покоя.

Утром 27-го в 7 часов японцы открыли пушечную пальбу уже по нам, но ни одна граната не долетала. Наши орудия стали на позицию и начали отстреливаться, а я решил ехать в Телин, догнать обоз и узнать достоверное о судьбе моей церкви — иначе не жизнь, а мука.

<...>

Слава Богу, спасли церковь. В суматохе некоторые вещи остались неподобранными: кровать, шуба, два драповых подрясника, белье, камилавка, одеяло, подушка, икона Иверской Божией Матери, письменные принадлежности». *«Не грусти, — говорю ему, — Слава Богу, церковь-то спасли да ты жив»*.

Март 1905 года

13 марта

Сегодня воскресенье; иду искать места для богослужения. День начался хороший, солнечный, можно бы и на воздухе молиться, но валяющаяся во множестве разная нечистота не позволяла. Пришел я на вокзал; здесь телеграфист сообщил мне, что при станции есть часовня, которая, кажется, еще цела. Действительно, около пограничной казармы я нашел часовню; двери открыты, одна половинка оторвана, икон нет, стекла выбиты, на полу валяется солома. Ничего, все-таки лучше, чем среди мусора, тем более что перед часовней находилась целая площадка, почти чистая.

Объявил о богослужении всему гарнизону и в 12 часов дня (ожидали прихода эскадронов из сторожевого охранения) отслужил обедницу и молебен. Часовня изображала алтарь, а площадка — церковь. Я полагал, что по случаю тревожного положения нашего мало будет у меня богомольцев, однако вышло наоборот: пришли генерал, командиры полков, много офицеров, наши солдаты, нежинцы, артиллеристы, казаки, пехотные и конные охотники. Мне это проявление религиозности было чрезвычайно приятно. Говорил даже небольшую проповедь на тему: *кого любит Господь, того и наказует, но не дает испытания сверх сил, а с испытанием дает избавление*.

17 марта

Пришли к казакам. На большом дворе расчистили место и из новых циновок устроили подобие часовни; в ней поставили стол и в казачьем котелке воду. Со мною пришли наши свободные певчие, и молебен мы отслужили с большим торжеством.

Перед молебном, приглашая казаков поусерднее помолиться, я сказал небольшую проповедь о том, что святой Алексей, принявши на себя послушание служить только Христу, на этом поприще благодаря своей вере и молитве смиренно претерпел тяжкие труды, страдания и лишения. *«Вы тоже второй уже год, верные своему долгу, переносите здесь великие лишения, раны и болезни. Много нужно вам силы, чтобы смиренно все это перенести, перетерпеть до конца, и вот здесь-то пример жизни и помощь святого Алексея вам необходимы. Верьте, что он видит, знает вашу жизнь, слышит ваши молитвы и всегда ходатайствует за вас пред Господом. Молитесь же усерднее святому Алексею, и вы сподобитесь его великой помощи».*

18–20 марта

Наконец собрались молящиеся: драгуны, казаки, артиллеристы, много офицеров, даже китайский полковник пришел в полной парадной форме, и мы отслужили обедню; все пели *«Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим».* Не могу выразить, как легко стало на душе, будто сразу отпало что-то тяжелое, и какая-то легкость появилась во всем моем существе. Душа, как воск, размягчилась, растопилась. Что ж? Слава Богу распятому, что и нас Он удостаивает идти таким же, как и Он, крестным путем. **И как только благодарить нам Господа, Который и среди такой скорбной обстановки не лишает нас, хотя и грешных, но все же детей Его, благодатного озарения молитвенного, утешения духовного — этого истинного отдохновения!**

Со смирением приемлем: мы грешны, заслужили. А тут еще эта проклятая паника в обозах — обозы ведь не строевые войска. А знаете, что за страшная вещь паника? Гораздо опаснее самого ужасного боя. Паника из обозов, как зараза, передалась в некоторые строевые войска, и мы без боя потеряли и людей пленными, и орудия.

Осуждайте нашу мученическую жизнь, осуждайте, клеймите, но у нас есть заступник — Господь на небе, Который знает наши труды и вот, видите, утешает, поддерживает наши силы. У нас есть и на земле защитник — государь. Он добрый, сердечный. Он знает, что мы исполнили святую присягу, что мы пребудем верны ему, хотя бы и умереть надлежало всем. У нас есть родные наши, близкие; они скорбят с нами, сочувствуют нам, не осуждают.

После поклонения святому Кресту я сказал небольшое поучение, объяснив между прочим воинам причину нашей благоговейной радости, испытываемой при поклонении и лобызании Честнаго и Животворящего Креста. По окончании богослужения устроили совещание с командирами частей нашего отряда относительно говения. Решили, как только придет церковь наша, начать ежедневную службу — говение и приобщать каждый день от двухсот пятидесяти до трехсот человек, чтобы успеть побольше приобщить воинов, потому что неизвестно, когда выступим. Конечно, я с радостью согласился послужить насколько хватит сил; ведь я остался в отряде один (заболели священники), а причастников-то по крайней мере четыре тысячи человек. Ну, да Господь поможет, лишь бы церковь скорее привезли из обоза.

21 марта

В ответ на свое письмо с выражением чувства соболезнования и словами утешения получил от великой княгини телеграмму: *«От всей души благодарю Вас за молитвы и письмо. Пишу Вам. Елисавета»*. Да утешит Господь Бог нашего дорогого шефа!

Апрель 1905 года

2–13 апреля

Завтра четверг Страстной седмицы, а мы выступаем в этот день. Вот наша доля! За все слава Богу!

15 апреля

В 3 часа я прочитал Евангелие и пропел «Благообразный Иосиф», про себя, конечно. Вечером все наши, то есть генерал Степанов и оба штаба, бригадный и полковой, собрались в нашей половине ужинать и пить чай. А мне Господь послал такую радость, что я мог попоститься всю Страстную неделю: как раз на шестой неделе, в конце, получил сразу четыре посылки от доброй Александры Сергеевны, и в них оказались грибы, маслины, сушеные фрукты. Вот спасибо-то! Оживленно говорили за чаем, и все об одном: что-то теперь делается дома!..

16–21 апреля

7 часов вечера. Буря продолжается. Идем с Михаилом в эскадроны освящать «пасхи», то есть то, что приготовили. Везде ожидают: вот-вот привезут «разговенья», а его все нет и нет. Из 11-й батареи долго провожали меня все офицеры, говорили о красоте нашего богослужения, причем один офицер-магометанин признался, что знает наши церковные напевы, любит их и был даже регентом военного церковного хора. Еще раз пришлось убедиться, какого утешения и духовного наслаждения лишают себя многие русские люди, не посещая служб церковных и не изучая священных наших напевов. *Если магометанин любит наше богослужение, то как же должен бы любить его православный христианин!*

В 8.30 вечера вернулись мы домой. В душе мучительный вопрос: где же будем прославлять Воскресение Христово? Вдруг у меня блеснула мысль: во дворе нашем стоит довольно большой глиняный сарай с окнами; в нем устроилась теперь наша бригадная канцелярия. Спрашиваю писарей: «А что, если у вас мы устроим пасхальную службу?» «Очень приятно, батюшка, мы сейчас все уберем и выметем», — отвечают. «Ну, вот спасибо! Так начинайте чистить, а я через час приду». Как будто тяжесть какая свалилась с души, когда нашел я это место. Работа закипела, а я побежал в свою фанзу: надо ведь устраивать и у себя пасхальный стол для всех нас. Стол, довольно длинный, мы раздобыли; скатертью обычно служат у нас газеты, но нельзя же так оставить и на Пасху: я достал чистую свою простыню и постлал ее на стол. Затем в середине положил черный хлеб, присланный нам из 6-го эскадрона, прилепил к нему восковую свечу — это наша пасха. Рядом положил десять красных яиц, копченую колбасу, немного ветчины, которую мы сберегли про черный день еще

от Мукдена, да поставил бутылку красного вина. Получился такой пасхальный стол, что мои сожители нашли его роскошным. В 10 часов пошел в свою «церковь», там уже все было убрано.

Смешанное чувство наполнило сразу душу: и радостно, и грустно... Почему? Слишком назойливо лезло в голову сравнение настоящего с прошлым, и воспоминания прямо давили. И то — велика милость Божия к нам, грешным, что так устроились! К 12 часам ночи наша убогая церковь и двор наполнились богомольцами всего отряда. Вынули окна, и чудное пение пасхальных песней понеслось из наших уст. Каждение я совершал не только в церкви, но выходил и на двор, обходил всех воинов, возглашая:

«Христос Воскресе!» Невообразимо чудно все пропели: *«Воскресение Христово видевшие, поклонимся Господу Иисусу!»* **Правда, утешения религии так сильны, что заставляют забывать обстановку и положение, в которых находишься.**

Как жаль, что я не имею писательского таланта, чтобы описать это наше ночное богослужение! С каким чувством все мы христосовались!.. Окончилась заутреня; убрали мы свою церковь, иду в фанзу.

Вошел, взглянул на стол и глазам своим не верю: стоят два кулича, сырная пасха, красная писанка, сахарные яйца. Господи, да откуда же это взялось? Оказалось, во время заутрени приехал из Харбина наш офицер Гуров и привез мне из Орла посылку, в которой и находились все эти блага, а сырную пасху он купил в Харбине. Наше смирение вполне вознаградилось: собирались разговляться черным хлебом, а Господь прислал настоящую пасху. *Слава Ему и благодарение добрым людям!* Разговорелись, попили чайку и к 3 часам улеглись. В 7 часов утра я проснулся и мысленно похристосовался со всеми близкими сердцу, которые в этот час там, далеко, в милой сердцу России прославляют воскресшего Христа. Слава Богу!

23 апреля

Еще ночью поднялся сильный ветер, и наши сборы и надежды служить святую литургию на воздухе рухнули; пришлось устраивать фанзу. Однако Господь помог нам, и церковь вышла довольно хорошая: устлали пол циновками, повесили все иконы, и в 9.30 утра богослужение началось. Вот и мы счастливы: пришлось-таки на пасхальной неделе отслужить святую литургию. В проповеди просил воинов вспомнить, что святой Георгий Победоносец в своей военной службе и жизни руководствовался следующим словом Божиим: *«Когда выходишь на войну, оставь злые дела твоя»*. Это святое правило не только сам исполнял святой Георгий, но и от воинов своих требовал того же: то есть святости, усердия, честности, верности долгу, — почему и был всегда победоносным. **Итак, если и мы в воинских трудах наших будем руководствоваться этим правилом святого Георгия, то победим.**

Май-июнь 1905 года

1–10 мая

Но все-таки вернуться назад опозоренными мы не хотели бы. Будем еще и еще трудиться здесь, пребудем до конца верны нашему долгу пред Богом, царем и родиной. Буду трудиться и я, благо Господь хранит мое здоровье, а отдых... Ох, в вечности-то сколько отдыха предстоит нам!

11–16 мая

Все-таки в 10 часов утра отслужили обедницу и побеседовали на слова Спасителя: *«Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я упокою вас»*. Я просил воинов вспомнить, что все люди трудятся и все люди имеют скорби, также все желают в трудах быть успешными, а в скорбях утешенными, но не всегда этого достигают. Часто люди в трудах своих надеются только на свои силы и умение или полагаются на помощь других, таких же ограниченных и несовершенных людей, а потому и в ошибки они впадают, и дело у них не спорится. Также и в скорбях люди ищут только земных утех, но эти утехи так ничтожны, что люди впадают в уныние и в отчаяние... *Нет, и в трудах, и в скорбях нужно обращаться нам за помощью, приходите к Господу, соединяться с Ним посредством молитвы, святых таинств, и Он, как всемогущий и бесконечно благодетель, упокоит нас, то есть даст благодать Свою и благословение на труды наши, изгонит уныние из сердца нашего, дарует нам мир и покой.*

17 мая — 11 июня

По правде сказать, наши военные неудачи не так огорчают нас, как внутренние беспорядки. В битвах мы чести не потеряли: бились по совести с храбрым и гораздо сильнейшим врагом, а вот внутренние-то подвиги изменников родине действительно до глубины души возмущают нас, так как это есть уже настоящий позор, полное бесчестие. Ну да Господь рассудит всех в свое время, а теперь, нужно сознаться, Бог совершенно справедливо карает нас: слишком мы отступили от Него и низко пали.

<...>

Я ушел на гору один и от души возблагодарил Господа, милостию Которого я пережил этот страшный год благополучно. Итак, прошел год; и сколько горя, стыда пережили мы за это время?! Теперь говорят о мире; мы мириться не хотим. Но если мир все же будет заключен и мы побежденные поедem домой, то невольно напрашивается вопрос: что же это за причины нашего бедствия? Постараюсь посылно ответить на него. Во-первых, история народа Божия должна быть всегда пред нашими глазами. Когда беззакония евреев превосходили всякую меру, то благодать Господня оставляла их — и народы языческие, сравнительно слабые, побеждали Израиля.

Однако покаяние и возвращение к Богу снова привлекали на них благословение Господа, и они восставали к лучшей жизни. Россия испытала теперь на себе то же самое. Государство, хранящее истинную религию, так опустилось духовно, так забыло Бога и развратилось, что многие города и веси ее по дурной жизни своей стали вполне подобны древним Содому и Гоморре. Вразумимся же, раскаемся и обратимся к Господу, по любви Своей наказавшему нас: да приобретем снова милость и благословение Божие на нашу бедную отчизну!

Во-вторых, условия для ведения войны были для нас невыразимо тяжелы, и только русское мужество и терпение сделали то, что мы более года смогли воевать и армии не потеряли. Ведь каждое сражение — это Бородино, а потери японские всегда превышали наши, кроме Мукдена, где они равны (по восемьдесят семь тысяч выбыло из строя с каждой стороны). Россия была не готова: на месте не было ни войска, ни снарядов, а у генерала Куропаткина в апреле самое большее было девяносто тысяч с порт-артурским гарнизоном, да и потом японцы всегда превосходили нас численностью.

Наконец, в-третьих, в Японии есть патриотизм, ободряющий войска благими вестями с родины, а у нас во время войны завели беспорядки, разные стачки, что все время страшно угнетало дух армии. Здесь самый большой вопрос не о войне, а о том, что-то теперь в России. Ну, пусть рассудит все Господь и история, а мы делали здесь, насколько сил хватало, все, что требовала принятая нами присяга.

Июль-декабрь 1905 года

16 июля

Вопрос войны и мира, кажется, стал уже вопросом нескольких дней. У нас говорят, что если мирные переговоры не примут теперь же благоприятного для России оборота, то Линевиц в конце июля перейдет в наступление и, значит, произойдет страшный бой. Если мира не будет, то нам трудно будет выдерживать лишь первый натиск, когда японцы обрушатся всей массой; потом будет легче: они уже все исчерпали и пополняться им больше нечем. Впрочем, все в руках Божиих.

19 июля

Почти две недели дожди идут без перерыва. Везде сырость. Все переболели инфлюэнцей. На улице такая грязь, что движение обозов невозможно. Одно утешение — письма. Какое великое спасибо солдатам, доставляющим нам почту! Ведь совершить сто сорок верст каждый день по неопикуемой грязи под дождем — дело прямо каторжное, а солдатики до сих пор почти ежедневно аккуратно доставляли.

23 сентября, город Чжэнцзятунь

Получил сегодня посылку с собственноручным от 29 июля письмом от великой княгини Елисаветы Феодоровны в ответ на мои слова утешения после ее страшного февральского горя. Письмо простое, любезное, полное христианского смирения. *Наш августейший шеф, как попечительная мать о своих детях, все заботится о своем полке и боится, как бы мы не остались к своему полковому празднику 1 октября «без подарочков».* Да утешит Господь эту глубоко истинную христианку!

16 декабря

Устроили мы в фанзе довольно приличную церковь, человек двести помещается. Каждый праздник совершаю в ней литургии. Почти ежедневно объезжаю верхом эскадроны для бесед. Жизнь по своему томлению неопикуема. Солдаты прямо заявляют: *«Ну, батюшка, если бы не церковь да не беседы, то хоть умирай; пожалуйста, не уезжайте».* Это солдаты потому так говорят, что я тут на днях сильно прихворнул и они боятся, что я уеду в Россию. Я отвечал им: *«Верую, что Господь даст мне счастье донести с вами до конца наш общий крест войны и разлуки с родиной».*

Январь-июнь 1906 года

10 февраля

Какое неизреченное утешение быть христианином! Имея Христа в душе, видя в людях братьев, а в земных дарах — Божие имущество, порученное нам лишь на время, христианин при всяких правительствах будет прекрасным гражданином, деятельным, честным и мирным человеком. Мягутся люди, дышат злобою друг против друга; злые, глуповатые люди спешат исказить, извратить все благие начинания нашего возлюбленного монарха... Глубоко верю, что не без промысла и любви Божией к нам, грешным, мы задержаны здесь так долго. Не настал еще час нашего служения в России.

3 марта

Сегодня окончил говение своего полка и 3-й артиллерийской бригады; три недели ежедневно служил и приобщал любезных, дорогих моих воинов. Рад послужить им, хотя, конечно, за это время я очень устал. Дело в том, что мы спешили отговорь, полагая, что в марте поедем в родные края, а сегодня вдруг получили из Харбина довольно верное известие, что первый эшелон нашего полка двинется только 15 апреля, а штаб полка сядет в вагоны с третьим эшелоном 17-го числа. Таким образом, в половине мая мы будем дома. Мы уже и этому рады бесконечно, только и молим теперь Господа, чтобы не переменили и этого расписания.

26 марта

Если нас оставят до осени, то не знаю, что возьмет верх во мне: чувство ли долга или чувство любви к родным. Одно только утешает и мирит меня со всем — это евангельское «*претерпевый до конца...*».

Послужил я на пятой неделе в штабе корпуса. Служба моя там, должно быть, понравилась, так как генерал Сахаров торжественно поднес мне в подарок икону Спасителя с очень ласковой речью и подобающей надписью. Слава Богу за все!

28 марта

Слава Богу, я еду, значит, с полком! Апрель как-нибудь промаемся, к тому же апрель пройдет разнообразнее, ибо на третий день Пасхи мы переходим на станцию Яомынь. А жизнь на станции и жизнь в нашей деревушке — две вещи разные, несравнимые. К тому же там есть готовый для церкви барак. Послужим...

2 июня, город Орел

Милость Божия не покинула нас до конца: в полку за все время не было никаких волнений. С молитвой и торжеством проводили мы в разное время в запас три маршевых эскадрона и за два года своих запасных. 3 мая сели наконец в вагоны и мы сами, а сегодня мы уже снова в Орле. С великою любовью встретившие нас несметные толпы народа, свидание с родными, ласковый взор духовных детей и общая благодарственная молитва в родном моем храме заставили сразу забытья от всего прошлого, от пережитых двух годов скорби, трудов, неудач и из глубины сердца сказать: «*Слава Богу за все!*»